

Александр Яманов

Нестигаемый граф

4

18+

Александр Яманов

Несгибаемый граф 4

«Автор»

2026

Яманов А.

Несгибаемый граф 4 / А. Яманов — «Автор», 2026

Граф Шереметев навёл шороху в Оренбуржье, как в гражданской, так и военной сфере. Регион развивается, враги России уничтожаются, налаживается торговля. Однако это вызывает крайне негативную реакцию в Петербурге, среди многочисленных врагов Шереметева.

© Яманов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Интерлюдия	5
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	34
Гл	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Яманов

Несгибаемый граф 4

Интерлюдия

Кабинет императрицы Екатерины II в Зимнем дворце в начале лета выглядел особенно светлым и просторным. За окнами, выходящими на Дворцовую площадь, стояла по-настоящему тёплая погода. С утра пригревало так, что форточки держали открытыми. В комнату вливался свежий воздух, смешанный с запахом молодой листвы и Невы. Государыня сидела за секретером красного дерева, недавно подаренным Потёмкиным, находя его особенно изящным и одновременно удобным. На нём ничего лишнего: чернильный прибор с серебряными фигурками, подставка для бумаг, настольные часы в деревянном корпусе и раскрытый блокнот для записей.

Одну стену кабинета почти полностью занимала карта Новороссии и фактически аннексированного Крыма. Академии наук пришлось постараться, чтобы исполнить приказ правительницы. Несколько стульев с высокими спинками, обитых сиреневым сукном, узкий зальный диван у противоположной стены да этажерка с книгами — вот и всё убранство. Пол из добротного паркета, натёртого до тусклого блеска, прикрывал огромный ковёр с высоким ворсом, в котором тонула ступня. В этом кабинете не принимали послов и не устраивали балов. Здесь работали.

Императрица держала в руках свежий номер «Литературного вестника» — тонкую книжечку с сизой обложкой, которую ей доставили вчера. Она любила читать за кофе, поэтому утром ознакомилась с приложением к самой популярной газете страны. После чего решила поделиться прочитанным со своим ближним кругом.

На первый взгляд Екатерина была спокойна, даже благодушна. Она читала вслух, изредка улыбалась каким-то местам, делала пометки карандашом. Но те, кто знал государыню, заметили бы, что она излишне суетлива. Слишком часто она прерывалась, смотрела на гостей, клала и снова брала карандаш. А ещё слух резал усилившийся акцент правительницы, проявляющийся именно в минуты волнения.

Хотя в брошюре не напечатано ничего необычного. Вернее, крамольного. Просто какой-то юноша попробовал себя в эпистолярном жанре. Обычные путевые заметки с намёком на искренность и достоверность. Однако рассказы Ивана Белозёрова, неожиданно ставшего известным, буквально сразили высший свет. Особенно молодёжь и дам. Такое впечатление, будто столичная публика действительно жила в другой стране, далёкой от России. Вроде ещё недавно придворные обсуждали зверства восставшей черни. Или для них стали откровением страдания простого народа? Ведь ранее было принято обсуждать исключительно дворянские проблемы.

В кабинете находились трое посетителей.

Потёмкин, в марте удостоившийся титула светлейшего князя. А ещё ему на днях отправляться в Новороссию. Фаворит стоял у окна, заложив руку за борт мундира, поэтому было непонятно, о чём он думает. Вроде сейчас пик могущества Григория Александровича. Однако место в сердце, а по сути — в постели императрицы, занял Завадовский.

Степан Шешковский, начальник Тайной экспедиции, человек с лицом, не выразившим ровно ничего, сидел в кресле, сложив руки на животе.

Рядом с ним расположился генерал-прокурор Сената князь Вяземский. Александр Алексеевич тоже не выказывал особых эмоций. Все трое ждали, когда государыня заговорит о деле.

— Как вам, господа? — наконец произнесла Екатерина, откладывая журнал в сторону. Голос её звучал ровно, но в нём чувствовалось напряжение. — Ещё этот молодой человек пишет стихи. Думаю, вы их читали. Фрейлины мне все уши прожужжали, восторгаясь молодым талантом. Только меня тревожат отнюдь не стихи и путевые заметки.

Она взяла со стола другую бумагу — плотный лист с сургучной печатью, уже вскрытой, и помахала им в воздухе.

— Это от Рейнсдорпа из Оренбурга. Вести, доложу я вам, прелюбопытные.

Потёмкин повернулся от окна. Его крупное лицо с мясистым носом и губами бантиком не выражало особого любопытства. Но фаворит сразу изобразил заинтересованность. Вяземский чуть подался вперёд, опираясь на трость, а Шешковский, как всегда, замер. Глава экспедиции умел слушать и всегда отличался немногословностью.

— Что же сообщает губернатор? — спросил Потёмкин.

— А пишет он, Григорий Александрович, что наш любезный граф Шереметев совсем забыл, зачем его посылали в степь, — Екатерина взяла донесение и снова пробежалась по нему глазами. — Напомните-ка мне, какие обязанности были на него возложены?

Вяземский кашлянул:

— Ваше Величество, графу поручили командовать Орской крепостью. Охрана границы, обеспечение безопасности караванных путей, поддержание порядка в прилегающих землях. Исключительно военные вопросы. И только в пределах своего участка.

Князь немного волновался. Ведь именно он заступился за сына старого товарища, дав тому возможность предпочесть армию ссылке в деревню. И общество одобрило выбор графа, хотя в столице у него достаточно недоброжелателей. Зато теперь именно генерал-прокурор имел отношение к проделкам Шереметева, пусть и косвенно.

— Исключительно военные, — повторила императрица. — И только в пределах своей крепости. Пусть с окрестностями. А что видим мы? Граф взял на себя обязанности губернатора, судьи, а теперь ещё и землеустроителя!

Екатерина выпрямилась в кресле, хмуро оглядев присутствующих.

— К Шереметеву побежали люди. Не из окрестных деревень, заметьте, а из окрестных губерний! Из Самары, Симбирска, Тамбова и Уфы. Есть там и такие. За время восстания в Оренбургской губернии собралось множество беглецов. А теперь побежали новые. Пусть пока мало, и людишек в основном ловят. Но Николай Петрович их принимает! Селит по пустующим деревням, выдаёт инвентарь, семена, скотину. Это что, его забота? Ему крестьян расселять приказано было? Более того, граф самовольно расширил русские пределы и начал осваивать левый берег Яика. То есть Урала.

Потёмкин нахмурился:

— Матушка, а много ли их пришло?

— Много ли? — Екатерина усмехнулась. — Да уже тысячи! Тысячи, Григорий Александрович! Рейнсдорп пишет, что за последние два месяца на другой берег Урала переправилось более тысячи человек! А сколько прошло тайно, лесами да оврагами, тех, кого чиновники не заметили, — и вовсе не известно.

Фаворит покачал головой:

— Тысяча за два месяца — это очень много. Такого наплыва беглых не было со времён прошлых бунтов.

— Вот именно! — произнесла императрица, не скрывая раздражения. — И кто эти людишки? Рейнсдорп пишет, что среди них множество замешанных в пугачёвщине или иных смутьянов, поджёгших поместья или убивших своих хозяев. Тех, кто должен находиться на каторге! А они вольготно расхаживают по степи, благословляют Шереметева и называют его своим спасителем!

Вяземский, до сих пор молчавший, подал голос:

— Ваше Величество, если среди беглых есть пугачёвцы, это уже государственное преступление. Укрывательство бунтовщиков карается...

— Я знаю, чем карается, князь, — Екатерина перебила главу Сената, что позволяла себе очень редко. — Надо разобраться, насколько эти сведения достоверны. Ведь наш герой — мастер придумывать различные отговорки.

Она покопалась в папке и достала другое донесение:

— А вот ещё, от уфимского вице-губернатора. Пишет, что из его провинции с начала года ушло более трёхсот крестьян. Триста душ! Помещики напуганы, требуют вернуть людей. У многих ведь деревни и так опустели. А людям надо восстанавливать разрушенные хозяйства! Только кем? Даже те, кто остался, мечтают сбежать к Шереметеву.

Потёмкин усмехнулся, но усмешка вышла кривой:

— Матушка, а что пишет сам граф? Он хоть как-то объясняет свои действия?

— Николай Петрович пишет красивые доклады, — с усмешкой ответила Екатерина. — Не удивлюсь, если за него это делает Ивашка Белозёров. Юноша действительно талантлив! Рейнсдорп сообщает, что уже трижды посылал в Орскую крепость комиссии. Однако на правом берегу и окрестностях укрепления в деревнях поселились свободные крестьяне. Либо те, чью принадлежность доказать невозможно. Ведь в губерниях, охваченных восстанием, многие записи были уничтожены. И не каждый помещик пошлёт управляющих выяснять принадлежность крепостных. Вернее, никто и не едет. После того как в уфимской провинции пропали люди Демидова и Яковлева, посланные за беглыми рабочими, желающих больше нет. Говорят, шалют разбойные башкиры. Но почему-то они не трогают или не замечают беззащитных крестьян, пробирающихся на юг. А два вооружённых отряда уничтожили.

Последние слова императрица произнесла с сарказмом.

Вяземский тяжело вздохнул:

— Это уже не просто самоволие, Ваше Величество. Такие дела похожи на открытое неповиновение.

— Открытое, — кивнула хозяйка кабинета и страны. — Но и это ещё не всё.

Императрица взяла третье донесение, расправила его и начала читать вслух:

— «Граф Шереметев самовольно, без указа и согласования, предпринял второй военный поход против Малой орды киргиз-кайсаков. Первый в прошлом году закончился неудачно. Но во второй раз графу удалось заманить басурман в засаду. Хан Нуралы казнён вместе со всеми детьми и внуками. Также уничтожена вся степная знать. Войско орды рассеяно, стойбища сожжены, скот угнан в русские пределы. Малая орда перестала существовать как организованная сила. Перебито более пяти тысяч человек. Остальные развеяны. На триста вёрст вглубь от Яика степь опустела».

Екатерина отложила бумагу и посмотрела на присутствующих. Даже не акцент, а сам факт произошедшего резанул слух.

— Что скажете?

Шешковский знал о произошедшем — он сам делал доклад, поэтому молчал, ожидая итогов разговора. Но судя по взгляду императрицы, ему придётся отвечать первым.

— Ваше Величество, хан Нуралы считался нашим союзником. Формально. На деле он постоянно мутил воду, грабил караваны, нападал на русские поселения. Многие в Оренбурге говорили, что от него больше вреда, чем пользы.

— Это так, — кивнула Екатерина. — Но кто дал Шереметеву право вести переговоры с ордами? Или кто разрешил ему начинать войну? Нуралы присягнул России, и его поведение должен рассматривать губернатор Оренбурга. А граф всего лишь комендант одной крепости! Ему поручили охранять границу, а он уничтожил целый народ!

Вяземский покачал головой:

— Ваше Величество, но формально он действовал в интересах империи. Орда действительно грабила караваны, нападала на деревни и поддерживала самозванца Пугачёва. Если разобраться...

— Если разобраться, — перебила императрица, — то офицер не имеет права столь сильно превышать свои полномочия. Даже губернатору это непозволительно. Ведь есть ещё дипломатический аспект. Малая орда — это просто сборище дикарей. Что мне прекрасно известно. Но это наши дикари, которые помогали влиять на Хиву и Бухару. Теперь же ситуация в степи изменилась. Придётся искать и затем утверждать нового хана. А есть ещё Средняя орда, чьи правители подчиняются России только номинально. Вдруг они испугаются столь жестокой расправы над соседями и переметнутся к богдыхану? Нам только с Китаем сложностей не хватало! Сейчас у нас замечательные отношения, идёт торговля по Сибирскому пути. А если басурмане его перекроют? Значит, придётся посылать дополнительные войска. У нас же после восстания проклятого Емельки только долги растут. В прошлом году пришлось временно разрешить многим заводчикам не платить подати. Это не считая компенсации за разрушенные производства!

— А почему бездействует губернатор? — спросил Потёмкин, посмотрев на Шешковского. — И почему молчит Тайная экспедиция?

— Всё очень просто, ваше сиятельство, — ответил Степан Иванович. — Как уже было сказано, на землях Оренбургской губернии беглецов нет. Формально, конечно. Записи утеряны. Поди разбери, кто крепостной, а кто свободный. Тем более когда речь идёт об инородцах, которых там немало. Конечно, можно захолопить крестьян насильно. Только сам Рейнсдорп против такого поворота. Они ведь могут снова восстать. Губернатору же надо восстанавливать и приводить в порядок огромный край, где недавно подавили восстание. А сейчас получается, что ему на блюде преподнесли два десятка деревень, которые распахали поля, занялись скотоводством и даже открыли несколько мануфактур. Ещё мужики сильно помогли в восстановлении разрушенных Верхне-Озёрной, Ильинской, Губерлинской и Таналыкской крепостей. Получается сплошная прибыль и возможность слать в столицу бравурные доклады. Помяните моё слово, через год или два Ивана Андреевича наградят. Может, на повышение отправят. Сенат как раз начал обсуждать губернскую реформу. Поверьте, гораздо приятнее возглавлять Калугу или Тверь, а не Оренбург.

Потёмкин понимающе улыбнулся, выслушав главу экспедиции. Зато Вяземский не разобрался в ситуации:

— Тогда зачем он пишет кляузы на Шереметева? Ведь получается, тот восстановил половину губернии вместе с крепостями. Да и разгром орды — это успех. Наоборот, надо было слать победные реляции. Ведь Нуралы действительно помогал бунтовщикам. Я бы на месте Рейнсдорпа быстро нашёл нового хана, утвердил его и выставил как своё достижение. Здесь в пору об ордено мечтать и деревеньке с парой сотен душ.

— Так беглые действительно стекаются к Орской крепости, вот губернатор и жалуется. Причём беглецов гораздо больше, чем докладывает Иван Андреевич. И им действительно помогают башкиры, — Шешковский утвердительно кивнул Екатерине, вопросительно посмотревшей на него. — Я недавно получил подтверждение участия некоторых родов в этом деле. Заплатили им конями, зерном и немного серебром. Понятно кто, но прямых доказательств нет. Касательно бездействия чиновников, так всё просто. Николай Петрович поступил хитро. Беглецы селятся на землях Малой орды, пусть она и разгромлена. Только люди губернатора на левый берег Урала без войск не сунутся. А единственной военной силой там является Шереметев, который солдат не даст. Мы вывели из Оренбуржья почти все войска, оставив лишь гарнизоны. Даже я не могу послать своих людей проверить новые поселения. У Тайной экспедиции нет боевых отрядов, а приказать армейскому офицеру мы не можем. Арестовать — всегда пожалуйста. Но в остальном у него своё руководство, которое очень ревностно охраняет

свою сферу. Кстати, вы сейчас вице-президент Военной коллегии, ваше сиятельство. Поспособствуйте надавить на нашего героя.

Потёмкин, к которому обратился глава экспедиции, издал нервный смешок:

— Я могу только ходатайствовать об отзыве графа в столицу или о назначении его на новое место. Но боюсь, при попытке вмешательства во внутренние армейские дела граф Панин забудет о болезни и примчится в Петербург искать справедливости. А перед этим саботирует все мои приказы.

— Только этого не хватало! — усмехнулась императрица.

— Позвольте уточнить, Ваше Величество, — произнёс фаворит, — вы не хотите видеть в столице Петра Ивановича или Шереметева?

— Обоих, — в сердцах ответила Екатерина. — Один — зануда, чей отъезд на восток стал истинным благом. Второй — смутяни и авантюрист. Пошли Шереметева в другое место — страшно подумать, что он там устроит. Лучше пусть завтра придут сведения, что граф отправился завоёвывать всю степь, чем ожидать иного подвоха. Пусть лучше бьётся с кочевниками, мне так спокойнее. Но письмо ему надо послать, заодно ревизора от экспедиции. Нечего устраивать новую вольницу, теперь на Урале. Хватит нам Сечи, которую ещё предстоит перевезти на Кубань. Нужно взять ситуацию в Оренбуржье под контроль. Не будем мешать графу заниматься хозяйственными делами. У него это на самом деле выходит хорошо. Однако складывайте все жалобы и иные документы. Чуть позже займёмся его делом. А пока пусть восстанавливает край. Тем более он делает это за свой счёт.

Последние слова предназначались Шешковскому, который тут же кивнул, получив приказ.

Зато мысленно глава экспедиции обдумывал интересный ход со стороны неугомонного Шереметева. Граф умудрился подложить соломку с двух сторон. Сначала он потряс общество, описав чудовищные разрушения и страдания людей, вызванные восстанием Емельки. Заодно выставил себя спасителем, который за свой счёт помогает восстанавливать огромный край. Недаром пылкие московские дворянки во главе с княжной Волконской создали благотворительное общество, призванное помогать людям. В Оренбург уже отправлены зерно, ткани, скот, кожа и инструменты. Неслыханное событие для империи, вызвавшее много шума и обсуждаемое до сих пор. Среди высшего света не принято помогать простым подданным.

Но Николай Петрович не успокоился и проявил себя на военной стезе, да ещё и разбил кочевников. Для русского общества разница между киргиз-кайсаками и ногайцами невелика. Всех степняков называют татарами и не любят. Против исторической памяти не пойдёшь. Поэтому на сторону смутяна встала вся армия, не считая части гвардии, и большинство обычных дворян. Его деяния считают не преступлением, а подвигом. И попробуй кого переубеди. Вот и Рейнсдорп просто пишет жалобы, стараясь не ссориться с беспокойным комендантом крепости.

А ещё Степан Иванович прекрасно понимал отношение императрицы. Она обо всём догадалась. Только её мало волнуют действия графа. В конце концов, тот тратит свои деньги и действительно приносит пользу. Ну уничтожил он несколько тысяч степняков. Плевать Екатерина хотела на каких-то дикарей.

Проблема глубже. Потёмкин назначен генерал-губернатором Новороссии. И на фаворита будут обращены взгляды высшего света. Той части, которая не зависит от временщика, искренне его презирая. А ещё фрондёры, особенно московские, будут сравнивать достижения светлейшего князя и графа. Заодно посчитают расходы, что москвичи очень любят. Один Разумовский чего стоит! Кирилл Григорьевич больше всех сопротивлялся назначению Гришки, даже нарушил приказ и приехал в Петербург, добившись аудиенции императрицы. Но всё было бесполезно.

Так вот, даже человек, далёкий от ситуации, прекрасно понимал, что сравнение будет не в пользу Потёмкина. С учётом вороватой натуры временщика это вызовет недовольство у очень многих людей. Теперь бы понять, чем всё закончится.

Только сейчас Шешковский поймал себя на мысли, что русское общество резко изменилось и раскололось. Сторонники перемен выбрали своим знаменем цесаревича и потихоньку группируются вокруг него. Этих людей не устраивала нездоровая ситуация при дворе и отсутствие необходимых реформ, обещанных Екатериной и остающихся на бумаге почти пятнадцать лет. Пока происходящее неопасно. Хотя Павел, опираясь на поддержку супруги, начал вести себя иначе, посвящая много времени и сил благотворительности. В Петербурге появились школа, училище, приют и общественная больница под покровительством наследника и Натальи Алексеевны.

Ещё и публикации в газете, где Павел под псевдонимом задавал вроде простые, но сложные и даже неразрешимые вопросы. Глава экспедиции просто не понимал, как остановить происходящие процессы без жёстких карательных мер. Самое поганое, что умным людям понятно, кто стал причиной происходящего. Только даже ссылка или смерть Шереметева ничего не принесёт. Граф попросту станет знаменем недовольных, которые могут приступить к более решительным действиям. К тому же устранение Николая Петровича нанесёт большой урон экономике страны. Всё-таки Шешковский не враг России и прекрасно понимал позитивные изменения, вызванные деятельностью смутьяна. Императрица — тоже, хоть и ревновала к славе аристократа. Но вот насколько хватит её терпения? Об этом глава экспедиции решил пока не думать.

Глава 1

Июль 1776 года. Орская крепость. Российская империя

Погода стояла жаркая, зато без обычных для этих мест ветров. Небо выцвело до блёклой синевы. Солнце поднималось так рано, что караульные у ворот успевали смениться дважды, прежде чем тень от стен начинала укорачиваться. Степь за крепостными валами уже стала желтеть. Трава поднялась выше колена, а по балкам и ложбинам, где держалась влага, буйно разросся тальник. Даже обычно голые холмы на горизонте покрылись разнотравьем, и от этого пейзаж вокруг крепости казался почти уютным, а не суровым. Понятно, что вскоре трава высохнет, а цвета пожухнут, но пока надо наслаждаться моментом. По такой степи хочется просто скакать, дышать пьяным воздухом свободы и ни о чём не думать. К сожалению, у меня мало времени для подобного времяпрепровождения.

Яик в этом году разлился широко, но к маю вошёл в берега и теперь мерно катил свои мутноватые и беспокойные воды. По реке то и дело сновали лодки. Мы наладили выпуск составных судёнышек на собственной небольшой верфи. Хотя это больше универсальное столярное производство. Оно нам здорово помогло. Не ждать же каждую деталь из Оренбурга? Лучше привезти станки и работать самим. Что я и сделал ещё в прошлом году. Поэтому сейчас гребцы налегали на вёсла наших лодок, на корме которых сидели старшие рыбаки, оглядывая окрестности. Река жила своей жизнью — неспешной, но деловой.

Рыболовецкая артель, собранная ещё в августе прошлого года, заработала на полную катушку. Весенний лов оказался под запретом. Это я распорядился дать рыбе время отнереститься. Мужики тогда ворчали, но послушаться не посмели. Зато теперь, когда запрет сняли, сети ставили с утра до ночи. С уловом везло: язь, жерех, судак, а в омутах попадались сомы — да такие, что двоим едва удавалось вытащить. Рыбу жарили, варили, солили, вялили и коптили. Дым от коптилен тянулся вдоль берега, смешиваясь с запахом нагретой воды и тины. Благо топлива у нас теперь в достатке.

Продуктов в крепости нынче тоже хватало, и это непривычно. Ещё года два назад в Орской крепости поминали лихое время, когда сухари выдавали по весу, а мяса не видели вовсе. Округу тогда наводнили пугачёвцы и степные разбойники, перекрывшие торговые пути. Теперь же на складах лежали кули с мукой, бочонки с солониной, мешки с крупой — припасы, заготовленные впрок осенью и привезённые мной.

Люди, многие из которых прежде не ели досыта, теперь дивились собственному достатку. Больше всего, конечно, было конины и мяса сайгаков, заготовленного осенью, но тем не менее. В этом году прибавится и вдоволь баранины. Кто-то ворчал, что конина — нечистое мясо и об этом написано в Ветхом Завете. Но голодным не до прихотей. Впрочем, провокаторов быстро затыкали.

В основном волна гадостей шла от попов, начавших потихоньку поднимать голову. Длинногривым ребятам не давали покоя растущие как на дрожжах поселения. Муллы тоже зашевелились, но мы достаточно далеко, а ближайшие мечети находятся в Оренбурге и Каргалах, то есть почти в трёхстах вёрстах. Поэтому с этой стороны удара пока ждать рано, в отличие от РПЦ.

Ко мне уже приезжала целая делегация во главе с иеромонахом Вознесенского монастыря Варнавой и епископом Оренбургским Феофилом. Такой десант вполне понятен. Ведь в округе появилось много деревень, которые надо окормлять, то есть доить. Заодно необходимо решить вопрос со старообрядцами и язычниками. В процессе разговора стало понятно, что этот аспект волнует священников больше всего. После денег, разумеется. И конечно, начальство в рясах попыталось мне попенять на отсутствие церквей, которые якобы надо строить в первую очередь. В ответ я сказал, что главное — накормить людей, а обряды временно можно проводить и

в обычных домах. Кстати, настоятель Орского Преображенского храма так и делал, отправляя двух подчинённых по деревням, где те крестят и венчают людей. С отпеванием у нас пока хуже — не хватает кадров.

Высокопоставленные гости объявили, что пришлют новых настоятелей, и вновь наметили на строительство церквей. В ответ я предложил им взять на себя финансовую сторону вопроса. Со своей стороны мы выделим работников. Товарищи в рясах заикнулись о кирпичном заводе и материале, но почему-то отказались его приобретать. Думали, что получают всё бесплатно. В общем, пока это была разведка боем, и Варнава пообещал построить два храма за свой счёт. Феофил же почти сразу прислал трёх священников. От них и пошла волна негатива.

Думаю, основные боевые действия впереди. Уж больно высшие церковники любят халяву и до сих пор не могут понять моего прохладного отношения к пожертвованиям. Ладно, будем разбираться в процессе. Пока у меня имелись гораздо более важные проекты. Туда и шла продукция с кирпичного завода.

У южной стены мастера заканчивали наладку ветряной мельницы голландского типа. Поставленный на высоком срубе восьмигранный шатёр с поворотным механизмом уже ворочал крыльями. Лопасты, обшитые тёсом, медленно вращались даже при слабом ветерке, шелестя на удивление мелодично. Как запустят мельницу, можно будет молоть муку не на ручных жерновах, а по-настоящему — не только для одной крепости, но и для всех деревень, в том числе на продажу. Хлеб в степи всегда в цене. Но это планы на будущее. Пока надо перемолоть то, что осталось на складах. Этим мы вскоре займёмся. Элеваторов здесь нет, поэтому зерно быстро портится. Ничего, осенью будет своё, и ещё привезут заказанное мной из Самары.

Чуть поодаль, где в Яик впадала Орь, мы устроили две запруды. Вода в них стояла мутная, но сильная. Запоры сделали на совесть, и поток бил с такой силой, что деревянные водяные колёса крутились безостановочно с тяжёлым, ровным гулом. Одно колесо приводило в движение лесопильную раму, другое — верстак для обтёски брёвен. Пилили в основном сосну и лиственницу, которые тащили возами от Сакмары. Доски выходили ровные, чистые, без свилей. Шли они на строительство изб, амбаров, а также лодок различного вида, которые я велел закладывать на верфи, расположенной рядом.

Кстати, мужики предложили любопытный способ увеличения объёма доставляемого с Домбаровки угля. Небольшие лодки везли на возах, где грузили топливом, и сплавляли до крепости. Телеги же также возвращались с грузом. Мы уже построили два угольных склада на обоих берегах Яика. Ведь большая часть деревень пока расположена на правом берегу. Вот лодки прямо туда и направлялись, не занимая паром. А потом их вытаскивали на берег, сушили и везли снова к угольным копиям.

Лес с реки Сакмары, вернее, её притока Кургана доставлял купец Иван Осипов, человек ушлый и расторопный. Объявился он в Орской крепости ещё в сентябре прошлого года, когда она только начинала оправляться от недавней разрухи. Пришёл купец не с пустыми руками, а притащил сразу несколько возов сухих и добротных брёвен. Я тогда присмотрелся к торговому человеку, поговорил и тут же дал подряд на поставку леса. Осипов не подвёл и сразу наладил процесс, и уже к зиме в Орске были штабеля доброго тёса. С тех пор купец считался своим человеком при крепости, и его подводы постоянно тянулись по степи, поднимая пыль, которой теперь, впрочем, стало меньше. Кстати, мы с ним на паях поставили на Кургане лесопилку. Но она начнёт более полноценно работать в следующем году. Всё-таки места там дикие, требуют пригляда и охраны. Осипову пока выгоднее таскать брёвна. Тем более что мы обеспечили его дополнительными подводами и конями. А основную массу досок выдавали лесопилки при крепости.

На востоке за небольшой возвышенностью дымили трубы кирпичного завода. Мы поставили его ещё осенью на глинистом отводе, где почва была жирной, вязкой, пригодной для изготовления хорошего кирпича. Печи топили углём с Домбаровки — очень хорошего каче-

ства. Глина обжигалась ровно, давая прочный красный кирпич, за который не стыдно. Сейчас на заводе работают в три смены. К июню мощность поднялась почти до полной. Дымы тянулись серые, густые, став этакой наглядной демонстрацией прогресса в этом богом забытом краю. Кирпич возили в крепость на возах и сгружали у северной стены, где заложены новые казармы. Я решил полностью перестроить Орскую. Лес — здесь дефицит, поэтому выбор очевиден. Плюс мы начали массово ставить в домах печи. В общем, работали на перспективу.

Внутри самой крепости к началу лета случилось то, о чём старожилы не могли вспомнить без удивления. Все главные улицы замостили камнем. Работу эту затеяли ещё в апреле, когда растаял снег и подсохла земля. Мужики всю осень свозили камень. Далее его укладывали плотно на песок, ровняя киянками. Дело спорилось, и к июню центральная улица, идущая от комендантского дома к воротам, а также поперечные переулки были вымощены на совесть. Колёса телег перестали утопать в грязи, да и пыли стало меньше — ветер теперь сдувал её с плоского камня, не поднимая столбом. Люди ходили по мостовой с удовольствием. Порядок, какой ни возьми, начинается с дороги. Также мы подготовили места для тротуаров, которые поднимутся выше уровня дороги. И, естественно, я очень жёстко решил вопрос вывоза мусора, навоза и дерьма. Народ поворчал, но сам быстро осознал, что в крепости воздух стал чище.

Солнце вставало быстро, заливая крепость тёплым медовым светом. На улицах и в округе потихоньку начиналось движение. Особенно оживлённо было у запруд, где вращались колёса, а с реки доносились голоса рыбаков. Жизнь в Орской крепости шла своим чередом — тяжёлая, трудовая, но сытая и, надеюсь, счастливая. И люди, засыпая после дня работы, всё реже вспоминали о том, как было здесь прежде. А просыпались они с уверенностью, что всё налаживается. Именно это я считал своим главным достижением.

А ещё у нас имелся самый настоящий повод для гордости. Пусть он изрядно пах кровью и смертью. Ничего страшного, муки совести пока обходили меня стороной. Спал я на удивление замечательно, а крики утилизируемых киргиз-кайсаков мне не снились. После стремительного рейда, в результате которого были захвачены практически все отары Малой Орды, у нас возник небывалый избыток шерсти. Склады ломились от сырья, цена на него грозила упасть до неприличного минимума. Да и кто сейчас будет покупать столько шерсти? Купцы пока обходят нас стороной. Будучи человеком дальновидным, я решил не упускать момента. Понимая, что переработать весь объём пока нереально из-за нехватки рук и оборудования, я всё же приказал немедленно закладывать основы суконного производства, чтобы превратить военный трофей в стабильный источник дохода.

Для размещения нового предприятия выбрали северную часть крепости, где ранее находились кузницы и пустовавшие саманные амбары. Места достаточно, рядом вода. Поэтому мы быстро поставили шерстомойню, чесальню и непосредственно ткацкий цех. Точнее сказать, мануфактура встала только весной. До этого ткачи работали в бывшей казарме, куда я переселил их вместе с семьями. Сначала люди знакомились со станками, учились на них работать. Я лично курировал расстановку оборудования, отделив грязные процессы от чистовой отделки. Местные мастера, поднатюренные в ремёслах, быстро освоились, и вскоре строгая геометрия станков разбавила суровый уклад военного форпоста.

Сердцем мануфактуры стали десять мужиков, выбранных по совокупности навыков. Помимо самих работников, впряглись их жёны, а далее коллектив начал потихоньку увеличиваться по мере нахождения достойных кандидатур. Сами же станки, вопреки слухам об английском происхождении, оказались русскими. Дю Пре изготовил их по полученным из Британии чертежам. Эти механизмы, хоть и уступавшие лучшим образцам Лидса, были куда проще в ремонте и лучше приспособлены для переработки грубой местной шерсти.

Как только стало теплее, работники переехали в новый цех. Сейчас рядом возводился целый комплекс зданий из кирпича. Производство должно функционировать даже зимой. Снова спасал уголь, позволяющий отапливать помещения и кипятить воду в чанах. Несмотря

на то, что запустить все станки одновременно не удалось, а на полную переработку всех захваченных запасов потребуются годы, работа кипела. С утра до вечера цех наполнялся ритмичным стуком челноков и однообразным гулом приводных ремней. Я любил приходить и смотреть на работников, которые давно к этому привыкли и перестали дичиться. За наблюдением приходили мысли о разворачивании настоящей фабрики и получении прибыли. Шерсть продолжала поступать, и хоть переработать всё сразу нереально, но начало положено. Ситуация обещала превратить Орскую крепость в крупный текстильный узел на юго-востоке империи. Главное, чтобы не помешали. А вот насчёт этого я не был уверен.

Коллежский секретарь Андрей Сергеевич Волков слез с коня и некоторое время просто стоял, разминая затёкшие ноги. Видать, утомился от бесконечной скачки, и не помогла даже пауза во время переправы на пароме. Губернаторский помощник не привык к столь длительным путешествиям. Он ведь сначала преодолел триста вёрст от столицы края. Но Рейнсдорп настоял, чтобы Волков осмотрел все деревни, расположенные в окрестностях Орской крепости. Чиновник прибыл из Оренбурга пять дней назад, оглядел наше хозяйство, переночевал и отправился выполнять задание. Естественно, я знал о прибытии гостя. Пусть рядом нет Козодавлева и фон Бера, но свой человек в столице края у нас имелся. Агент, прибывший раньше меня, уже успел создать целую сеть осведомителей, в том числе завербовав писаря губернаторской канцелярии.

Кроме информации об очередном проверяющем, пришли сведения, что Рейнсдорп настроился собрать против меня компромат. Поэтому я решил не саботировать ревизию и даже выделил Волкову хорошее сопровождение. Охрана, а заодно и пригляд. Но поводов для волнений практически не было. Вызывающих сомнение крестьян переселили на правый берег Яика.

Я посмотрел в окно на приехавшего чиновника и сел за стол, когда тот зашёл в здание. Кабинет у меня просторный, чтобы комфортно проводить совещания гражданской и военной властей крепости одновременно. Ранее офицеры и чиновники действовали вразнобой, но те времена прошли. Даже таможенник давно переметнулся на мою сторону, осознав выгоду. Шутка ли, но недавно поступили вести, что вскоре придёт первый за три года караван из Бухары. Поэтому в Орской крепости начало работать что-то вроде правительства.

Но не всё так гладко. Например, Рязанцев и неожиданно Есипов потребовали перевода в другое место. По словам обоих офицеров, они не могут служить вместе с мясником и убийцей детей.

Пришлось написать рапорт и отправить неженка в Оренбург. Пока новых офицеров не прислали, но мы вроде справляемся. Удивил вроде бы инертный и разочаровавшийся в карьерных перспективах Иванов. Подпоручик, став моим замом, развил бурную деятельность, бросил пить и взял на себя все военные дела. Думаю, он в будущем метит в коменданты.

Что касается обстановки кабинета, то здесь всё просто, но комфортно. Секретер, стол для совещаний, несколько стульев вдоль стен, карта, разложенная на подставке, и шкаф с книгами и документами. Волков зашёл после стука, поздоровался, встал у двери и окинул взглядом обстановку. Несмотря на кажущуюся простоту, она стоила гораздо дороже вычурной мебели Рейнсдорпа.

— Садитесь, — кивнул я на стул.

Голос у меня ровный, без тени приветливости. Никто не любит ревизоров. За последнее время они изрядно надоели. Как помочь — так не допросишься. Зато когда мы начали пригонять скот и привезли немалые трофеи, то сразу нарисовались чиновники. Конечно, их послали лесом, вернее — в степь. На нытьё о голодающих я предложил отправить несколько возов с зерном, мясом и живыми баранами, но раздавать их будет мой человек. Наивные пейзажи подумали, что смогут запудрить мне голову или надавить на графского представителя. Угу. Они очень удивились, когда с караваном прибыл фон Шик. Он же встречал плоты со скотом. Гнать

сотни баранов за триста вёрст очень долго. Пришлось выделить лес. Впрочем, обратно возы шли с брёвнами и досками. Зато все нуждающиеся в Оренбурге получили помощь.

Тем временем Волков опустился на край стула, держа в руках блокнот. Кстати, это моё изобретение, если можно так выразиться. Не знал, что в этом времени не смогли додуматься до столь удобной штуки, как и до папки для бумаг или портфеля. Зато сейчас в России самый настоящий бум канцелярской продукции, в котором тон задавали мои мануфактуры.

— Надеюсь, приказ Ивана Андреевича выполнен? — я указал на лежащий передо мной документ, написанный губернатором. — Вы объехали все деревни?

— Так точно, Ваше сиятельство, — по-военному ответил чиновник. — Я осмотрел все новые сёла. С виду нарушений нет. Мелкие недочёты упоминать не буду. Однако есть главный вопрос, поставленный предыдущей комиссией. Многие крестьяне путаются в показаниях, отчего сложно подтвердить их принадлежность к свободным людям.

— Но ведь убывшие недавно чиновники провели перепись новых селян для расчёта через год подушной подати? — я удивлённо поднял брови и добавил: — Между прочим, я отправил письмо в Петербург с просьбой освободить людей от налогов хотя бы на пять лет. Надеюсь, президент Камер-коллегии удовлетворит мою просьбу. Алексей Петрович — умный и опытный человек. Он понимает необходимость дать людям прийти в себя после разрушений, причинённых Пугачёвым.

— Как же так? Ведь многие деревни выглядят вполне зажиточно. Новые дома, амбары, распаханы большие участки земли, у всех есть огороды со скотом, — воскликнул Волков. — Если не им, то кому платить подати? Казна губернии пуста. Нам надо помогать...

— Андрей Сергеевич, избавьте меня от подобных разговоров. Иначе мы с вами поссоримся, — перебил я лицемерную эскападу чиновника. — Вам известно, что всё мнимое благополучие основано на моих деньгах и успешном походе на Младшую орду? Баранов до недавних пор у крестьян не было. Лошадьми я всех снабдил осенью, до этого наблюдался огромный недостаток тягловой скотины. И власти не сделали ничего для голодающих людей. Поэтому давайте займёмся текущими делами. Похоже, вы их не завершили?

Меня порядком бесила позиция чиновников. Ладно вы воруете. Только зачем отнимать заработанное у вчерашних голодающих и бездомных? Неужели непонятно, что через три-четыре года вы получите процветающий край вместо нищих деревень с озлобленными жителями? С них можно поиметь гораздо больше. Но...

— Губернатор поручил мне также проинспектировать левобережные поселения. Те, что возникли на месте бывших кочевий Малой орды. Иван Андреевич желает знать, сколько там душ, откуда они прибыли, на каком основании пользуются землёй, — коллежский секретарь обозначил очевидное.

Чиновник уже меня разозлил, а Рейнсдорп откровенно разочаровал. Мало того что датчанин идёт на поводу у мздоимца Баратаева, так он ещё начал подковёрные игры, жалуясь на меня в столицу. Поэтому выражения можно не подбирать.

— Губернатору следовало бы сначала изучить границы своей компетенции. Левый берег Яика — не Оренбургская губерния, он даже не входит в состав России. По крайней мере, пока.

Волков промолчал. Он не знал, что ответить. Юридическая сторона вопроса действительно тёмная. Земли Малой орды никогда официально не входили в состав империи. Вассалитет — не присоединение. Если бы киргиз-кайсаки захотели сменить покровителя, то имели бы на это право. Однако сейчас у орды нет хана, и некому принимать решения. Поэтому я воспользовался неразберихой и переселил на левый берег всех беглых или участвовавших в восстании Пугачёва, хорошо вооружив мужиков. Душегубов среди крестьян нет, просто людям не повезло.

Забавно, но после начала освоения левобережья Яика увеличился поток беженцев. Чую, что через два года в ста вёрстах к востоку от Орской крепости будет больше деревень, чем на

таком же расстоянии к западу. Народ хочет жить свободно, подальше от безжалостных хозяев заводов и алчных чиновников. Именно с Урала и приходила большая часть беглецов. Пришлось договориться с пограничными башкирскими родами, чтобы они пропускали несчастных. С башкирами у нас сейчас замечательные отношения. Ведь они ходили со мной в поход на киргиз-кайсаков и оказались очень довольны добычей.

А вот губернатор мялся и боялся принять напрашивающееся решение. Кто мешал организовать военную кампанию, добить остатки малоордынцев и сдвинуть пределы России на восток? Сейчас можно спокойно откусить у степи порядка двадцати тысяч квадратных вёрст между реками Илек и Большой Кумак. Я вообще оседлал бы истоки всех крупных рек, впадающих в Орь и Яик. Поставил бы форты, основал деревни и начал зачистку междуречий.

Как вариант, можно пустить сюда лояльные и проверенные роды башкир, калмыков и ногайцев. Однако кочевников должно быть в меру, и лучше сразу обозначить границы выпаса скота. Именно из-за этого здесь возникали конфликты. Только губернатору ничего не нужно. Надо просто думать и иметь немного душевных сил. Однако Рейнсдорп занимался чем угодно, но не делами государства.

— Если Ваше сиятельство позволит, то я всё-таки хочу посетить левый берег Яика, вернее, Урала, — наконец ответил секретарь.

— Я вам не запрещаю, — я поправил манжеты, едва сдерживая улыбку. — Но и солдат для сопровождения не дам. Сейчас каждый человек на вес золота. К тому же большая часть личного состава находится далеко на востоке. Мы срочно возводим укрепления, чтобы контролировать освобождённые от кочевников земли. Однако по степи рыщет много мелких ватаг, поэтому из крепости лучше выходить в сопровождении вооружённого отряда.

— Но ведь через каждые три-четыре дня ходит обоз к Домбаровке, который доставляет уголь. Почему бы мне не отправиться вместе с ним? — не сдавался настырный чиновник. — Насколько я знаю, вдоль пути расположены три новых поселения.

Понятно, что шила в мешке не утаишь. И мы вполне логично выбрали места для деревень вдоль русла Ори и Камсака, по дороге к Домбаровке. Сейчас там идёт бурное строительство при помощи упомянутых солдат. Мы тут внедрили одну эффективную систему. Дабы не бросать людей в сложных условиях, им помогли вспахать целину, проложить каналы с водой, вырыть колодцы и перевезти стройматериал. Три-четыре месяца люди могут пожить в палатках и землянках.

Сейчас самое важное — это хозяйство. Поэтому мужики пахут землю и пасут скот, а бригады налаживают их быт. А ежели говорить о фортах, то нам пока хватит четырёх пунктов, контролирующих самые важные районы. Ну и постоянная зачистка территории нивелировала возможную угрозу в этом и даже в следующем году. А к тому времени я очищу территорию от степняков и поставлю новые укрепления.

— Дело ваше. Но обоз останавливается лишь в одной деревне. Это вам не ямские станции. Ещё вас не будут ждать. Уголь доставляется бесперебойно, и рано утром караван покинет село. Вам же придётся в нём остаться. А теперь подумайте, стоит ли так рисковать, даже с учётом того, что с вами три человека? Велика вероятность, что ваша группа попросту исчезнет. Разбойники, — я развёл руками, показывая своё бессилие.

Волков дураком не был и намёк понял. Поэтому он сразу поднялся, поклонился и вышел из кабинета.

Оставшись один, я прошёлся по кабинету. Этот чиновник — первая ласточка. Рейнсдорп прислал его, чтобы пришить к делу очередную бумажку. К сожалению, мне не удалось найти с губернатором общего языка. Значит, придётся ждать более авторитетной комиссии, вооружённой грозной бумагой и отрядом солдат. Ведь датчанин не просто так пишет кляузы в Петербург.

По идее, бояться нечего. Разве что какой-нибудь высокопоставленный идиот решит устроить настоящее следствие с пытками. Тогда проект придётся пересматривать, да и люди

могут взбунтоваться. Я прошёлся по кабинету, остановившись у карты. На левобережье построено и заселяется четырнадцать деревень. Это более двух тысяч человек, включая детей и женщин. Нет, в обиду я их не дам.

А ещё есть надежда на адекватность нынешних российских властей. Это вам не клептократы из XXI века, заражённые идеями интернационализма. Пусть русские чиновники воровали, но страна продолжала расширяться, и они поддерживали этот процесс. Потому что они в первую очередь русские люди. Я верил, что захваченные мной земли присоединят к России. Пусть даже будут проблемы у крестьян. Их, в конце концов, можно выкупить. Главное — оставить за собой земли.

Глава 2

Июль 1776 года. Пересечение рек Орь и Камсак. Территория Малой орды.

Я ехал верхом по левому берегу Яика, и июльская степь расстилась вокруг пожухлым, выгоревшим полотном, уходящим к самому горизонту. Там раскалённое марево сливало небо с землёй в единую белёсую дымку. Трава, ещё в июне радовавшая глаз сочной зеленью и буйным цветением, теперь пожелтела, приникла к земле, покрывшейся от нестерпимого зноя глубокими, широкими трещинами. Воздух дрожал над каждым холмиком и кочкой, и даже слабый ветерок, изредка налетавший с востока, не приносил прохлады. Только горьковатый, терпкий запах полыни и сухой пыли, которая мелкой взвесью оседала на лице, одежде, гриве коня.

Возле русла изрядно обмелевшей Ори было получше. Здесь воздух прохладнее и зелени больше. Из зарослей кустарника и тальника разносился стрекотнасекомых. С ветки на ветку скакали мелкие птички, доказывая, что вокруг кипит жизнь. Мне уже не привыкать к окружающей обстановке, поэтому поездка днём тоже не проблема. Времени мало, а дел надо сделать много. У меня плановый осмотр подконтрольных земель. Ага, именно так.

Копыта мерно и тяжело стучали по твёрдой, как камень, почве. Там, где недавно прошли дожди, земля взялась коркой, которую не могли пробить даже лошади. Я ехал один позади небольшого авангарда, предоставленный сам себе. За мной шёл основной отряд и обоз. И в этом монотонном, убаюкивающем ритме — стук копыт, скрип седла, лёгкое позвякивание удил — я невольно провалился в воспоминания. Тяжёлые и липкие, как та кровь, которой была полита степь весной, когда всё здесь выглядело иначе.

Началось всё чуть больше двух месяцев назад, в апреле. Тогда степь только просыпалась после долгой зимней спячки. Робкая зелень пробивалась сквозь прошлогоднюю сухую траву тонкими, ещё ломкими стебельками. Резкие порывы ветра гоняли холодный воздух. А ещё нам повезло, что дни были солнечными, без дождей и земля достаточно быстро высохла после схода снега. Реки ещё бурлили от обилия мутной воды, но дорога оказалась вполне проходимой. Мы шли на юго-восток к слиянию Илека и Каргалы, где должны были повернуть на северо-запад.

Именно эту пору — с нестабильной погодой и неудобную для обычного человека — я и выбрал для решительного удара по Малой орде. В прошлый раз осенью мне не удалось добить кочевников. Нуралы, старый, хитрый и осторожный степной шакал, запоздал с ежегодной кочёвкой на запад, уводя свои основные силы в сторону Яика. Он любил зимовать у русских владений между Илеком и Орью. Почему-то ему там было спокойнее. Даже летняя ставка хана находилась ненамного дальше, чтобы быстрее сбежать под защиту русских пушек в случае чего.

Но разведка слегка не рассчитала. Тогда под удар попали лишь несколько родов, разрозненных, обессиленных долгим переходом и не представлявших собой особой проблемы. Я побоялся сильных снегопадов — они случались в этих краях внезапно, укрывая степь полуметровым одеялом за одну ночь, — и не захотел рисковать людьми. Поэтому увёл отряд назад на зимние квартиры. Нам ведь приходилось тащить пушки, заряды и порох. Решение оказалось верным: вёрстах в шестидесяти от Орской крепости нас накрыл чудовищной силы снегопад, заваливший дорогу. Благо отряд дошёл до одного из станов, которым пользовались добытчики угля, где было в достатке топлива и имелось даже несколько землянок. Можно сказать, что мы пророскочили.

Та неудача стала жестоким и полезным уроком. Я дал зарок, что в следующий раз всё будет иначе. Дело не в моей обиде или злости. Здесь степь со своими законами, поэтому нельзя прощать предательство и покушение на убийство. А Нуралы даже не попробовал пойти на контакт и обсудить проблему. Хан сразу отправил послов к Рейнсдорпу, которому начал жаловаться на произвол. Губернатор решил воспользоваться моментом и отослал кляuzu в Петер-

бург, описывая моё самоуправство. Но время у меня было. Всё-таки до столицы две с половиной тысячи вёрст, а ещё сообщение будут долго рассматривать.

Вторая кампания готовилась основательно, с немецкой педантичностью и славянской удалью одновременно. Ведь операцию возглавлял фон Шик. Вальдемар продумал всё до мельчайших подробностей. На пути следования отряда были заранее подготовлены промежуточные стоянки — с топливом, овсом и сеном для лошадей, закопанными в ямы, а также с расчищенными, выровненными местами для палаток. Перед нами в степь отправились обозники, обеспечивающие комфортные действия отряда. Здесь так не воевали. Такой манёвр позволил нам преодолевать за дневной переход гораздо большие расстояния, чем обычно.

Бойцы шли налегке. Ничего лишнего, только самое необходимое. Кроме пяти лёгких повозок, тащивших пушки и порох, мы ничего не брали. Обоз плёлся следом, ведь отряд ждал обратный путь. А ещё мы рассчитывали на трофеи. Войско двинулось в путь, едва трава проклюнулась из земли. Это был сознательный, выверенный расчёт, основанный на знании степных обычаев и повадок кочевников.

Кони киргиз-кайсаков, истощённые долгой и бескормной зимой, едва держались на ногах. Худые, с выпирающими рёбрами, облезлые после зимней линьки, они не могли развить и половины обычной скорости. Тогда как наши лошади, сытые после добротной зимовки в крепостных конюшнях, где имелись сено, овёс и тёплая подстилка, были полны сил. Разница в кондициях оказалась решающей — это было известно заранее. Фон Шик воевал по науке, используя даже самое минимальное преимущество. А ещё Нуралы нас не ждал. Хан слишком сильно полагался на свои связи в Оренбурге. Только басурманин не учёл, что я проигнорирую приказы Рейнсдорпа.

Наше войско было пёстрым, разноязыким, но надёжным, как хорошо сработанный замок. Основу отряда составляли алексеевцы — люди верные и проверенные. Ребята ещё закалились в местных условиях и немного повоевали, став грозной силой. Далее шли солдаты гарнизона Орской крепости, посаженные на коней и переквалифицировавшиеся в драгун. Личный состав я гонял в течение трёх месяцев, не жалея пороха и других ресурсов. Очень много внимания было уделено боевому слаживанию действий конницы, пехоты и артиллерии. Последняя — моя отдельная гордость. Думаю, в русской армии сейчас просто нет более обученных расчётов.

Следующими шли казаки — как касимовские, так и набранные из пришлых, желающих среди которых хватало. Восстание ударило и по станичникам. Многие лишились имущества и привычных промыслов. Поэтому набег — это удачный способ решить экономические проблемы. Для многих степь — родной дом, а схватки с киргиз-кайсаками и разбойниками — привычное ремесло. Желающих набралось более двухсот человек. Также к сотне Касимова присоединилось столько же добровольцев из татар и других инородцев.

И наконец, башкиры. Бии племён усерган, бурзян и тамьян решили примкнуть к походу на старого врага. Они хорошо знают повадки киргиз-кайсаков и не дрогнут. С нами шли лучшие бойцы. Кстати, я установил с башкирами добрые отношения, и они неплохо помогали с проводом беглецов с Урала. И вообще, умные люди прекрасно понимали, что лучше дружить и торговать, чем воевать. Это Нуралы попутал берега, решив, что ему спустят очередную подлость. Нет. Я не чиновник и предательства не прощаю. Но шанс у хана был.

Перед операцией нам пришлось серьёзно потрудиться. Много сил было потрачено на объединение нашего разнородного и разноязыкого воинства. Башкиры и казаки всё-таки иррегуляры. Понятия о дисциплине у них специфические. Но фон Шик при помощи офицеров крепости справился.

Удар пришёлся в самое уязвимое и гиблое для кочевников время. Киргиз-кайсаки не ждали нападения весной — да ещё и в апреле. Это против обычаев степной войны, здесь набеги начинались летом, когда степь высыхала и кони приходили в кондицию. А друг с другом кочев-

ники предпочитали резаться осенью, когда скот нагулял жир и можно угнать стадо баранов или табун лошадей. Здесь в основном и воевали из-за скота или пастбищ. Потому Нуралы и старался дружить с Россией. Ведь для хана получалась двойная выгода. Русские могли не только дать ему убежище, но и помогали убрать из своих пределов неподконтрольные роды. А это обширные пастбища, где глава орды мог не опасаться за своё главное имущество. С запада его охраняла Оренбургская линия, с севера Орь помогала отлавливать разных удалыцов, а восток уже держали сами малоордынцы.

Зимой кочевники устраивали стойбище, ставили кибитки плотно друг к другу, делая защитный контур, внутри которого находились юрты. Главное, они становились более уязвимыми для внезапного налёта, лишившись мобильности.

Но я переиграл киргиз-кайсаков дважды. Сначала мы обошли их с востока, перекрыв пути к отступлению. А ещё подловили орду в момент начала кочёвки. Многие пока ещё только собирались трогаться с места, но процесс уже начался. Огромная масса людей и скота двигалась фактически в наши сети.

Отряд шёл быстро, почти без остановок, и обрушился на становища в тот момент, когда те ещё толком не пришли в себя. У кочевников не было ни единого шанса. Десять пушек, заряженных картечью, — это абсолютное оружие по местным меркам. При этом до артиллерии дело дошло не сразу. Мы начали её применять, когда Нуралы попытался оказать организованное сопротивление, собрав практически все наличные силы. Этим он нам даже помог: не пришлось бегать за ними по степи.

Но сначала было первое кочевье. Мы ударили по лагерю с двух сторон, сея смерть и панику среди людей. Спешившиеся солдаты стали прикрытием, не позволяя улизнуть большей части киргиз-кайсаков. Основной же удар нанесла наша кавалерия, рубившая всех без разбора и прикрываемая лучниками, уничтожавшими даже намёк на организованное сопротивление и стрелков противника.

Это была не битва. Битва предполагает хотя бы видимость сопротивления, намёк на сопоставимость сил. Здесь же случилось обыкновенное избиение — одни резали, другие падали. После первых же залпов и десятка убитых киргиз-кайсаки побежали. Пешие и всадники неслись в разные стороны, бросая кибитки, нажитое за многие годы имущество, а главное — свои семьи. Женщины и дети метались между юртами в поисках защиты или спасения. Но его не было. Я не приказывал специально убивать мирняк. Просто в ходе боя воинам было сложно остановиться. Кровь опьяняла.

Именно так мы и продолжили движение. Однако степняки насторожились, и наш налёт стал неожиданностью всего для двух следующих кочевий. Но противник не представлял никакой угрозы. А меня больше всего волновали начавшиеся брожения внутри отряда, особенно среди иррегуляров. Башкиры, казаки и татары несказанно возбудились при виде захваченных стад и трофеев. Глупые! Основная добыча — в ставке Нуралы. Именно обещанием будущих трофеев удалось убедить сошедших с ума от алчности воинов. Хорошо, что за нами шёл обоз, где хватало толковых людей и воинов. Они занялись в первую очередь скотом, начав перегонять его в русские пределы. Забавно, этим занимались пленные подростки из киргиз-кайсаков, которым пообещали сохранить жизни и не убивать семьи. Заодно пришлось послать гонца за подкреплением. Нужно больше людей и возов, чтобы утащить захваченное.

Через четыре дня Нуралы собрал силы и решил дать нам генеральное сражение. Разведчики сообщили, что враги резко повернули назад, а перед отступавшими пастухами начали собираться воины. По оценкам Касимова, хан сможет выставить не менее пяти тысяч сабель против наших шестисот. Однако у врага нет никаких шансов. И дело даже не в том, что полovina противника — обычные пастухи. Хотя стрелять из лука или колоть пикой умеет любой кочевник. Дело в другом. Мы можем стоять в степи хоть до морковкина заговенья. А кир-

гиз-кайсакам надо рассредоточить голодный скот, который давно подъел в окрестностях даже прошлогоднюю траву.

Что можно сказать о сражении? Оно оказалось предсказуемым. Хан либо давно не воевал по-настоящему, либо понадеялся на тотальное численное превосходство. Может, его смутил перевес конницы в моём отряде. Мол, такие же воины, не лучше нукеров хана и его беев.

Но главной ошибкой коварного степняка стало отсутствие разведки. Он не знал о наличии у нас артиллерии, тем более в таком количестве. Поэтому мы спокойно заняли позицию у небольшого взгорка, упирающегося в берег Ори. По идее, отряд сам лишил себя флангового манёвра. Плевать, главное — не показать пушки. А ещё фон Шик удачно скрыл особую группу, которая должна атаковать ставку хана. Она состояла из касимовцев и обычных казаков, вооружённых четырьмя пистолетами. Получилось что-то вроде рейтар с чудовищной огневой мощью для местных раскладов. В итоге задумка Вальдемара удалась. Как и второй сюрприз.

Самое забавное, что киргиз-кайсаки даже не подумали о какой-то хитрой тактике. Они просто навалились всей ордой на вагенбург, пытаясь засыпать его стрелами. Со стороны атака степняков выглядела страшно. По сути же — получилась бестолковщина. Наши стрелки рассредоточились по периметру, посылая залп за залпом в плотные ряды конницы. Не пришлось даже прибегать к помощи кавалерии, прятавшейся за пехотой и ожидающей своего момента. Артиллеристы тоже затаились, прикрывшись щитами.

В итоге после двух попыток штурма орда откатилась и начала перегруппировку. Какой-то толковый военачальник у хана всё-таки был. Или сам Нуралы посчитал убитых и раненых, валяющихся перед нашими позициями. Хотя вряд ли. Не уверен, что он умел считать.

Однако примерно через два часа, когда мы успели перекусить и спокойно перевязать своих раненых, противник активизировался. Немалая часть ордынцев спешилась, покотив вперёд кибитки, которые использовала в качестве движущихся щитов. Наиболее боеспособная часть киргиз-кайсаков осталась конной и встала за спиной пехоты. Они либо ждали своего момента, либо контролировали, чтобы испуганные пастухи не разбежались. Что-то вроде заградотряда. Разумно, и спорить глупо. Мы ведь оседлали фактически единственный проход между Илеком и небольшой речкой Буртей. Только после таяния снегов любой ручей в степи превращается в бурный поток. Вот и здесь обе речки и разная мелочь неплохо разлились, оставив слишком мало пространства.

Пока противник медленно наступал, мои ястребы, которые снайперы, показали своё мастерство. В такой ситуации сложно промахнуться, поэтому мы начали выбивать врагов с пятисот шагов. Не знаю, какой урон наносила пуля на такой дистанции. Но эффект я наблюдал в подзорную трубу. Степняки падали, а их товарищи стали волноваться. Лишь подготовленная европейская армия способна выдержать залп в упор. А перед нами были обычные кочевники.

Зато я угадал насчёт конных воинов. Они принялись усиленно работать ногайками, успокаивая нервничающих пастухов. Некоторых паникёров пришлось даже зарубить. Пока всё шло по плану фон Шика. Надеюсь, киргиз-кайсаки и дальше будут предсказуемы.

Я решил в этот раз отказаться от охоты и просто наблюдал за происходящим, сидя на Вороне. Ага, том самом ахалтекинском жеребце, объезженном за зиму. Отличная лошадка! Никогда бы не подумал, что стану фанатом конной езды. Но сначала привык, потом втянулся, а затем начал находить в этом удовольствие.

Тем временем нападавшие приблизились на двести метров, и с их стороны полетели стрелы. Наши стрелки пока молчали. Только ястребы продолжали собирать свою кровавую жатву, уже сбив с коней трёх разряженных всадников.

Наконец наступил апофеоз. Степные стратеги не учли того, что с ними воюют по науке. Наши бойцы не просто спрятались за возами. Мы заранее выкопали небольшой ров перед холмиком. Вот кибитки басурман и увязли. Началась суeta: всё-таки врагов было очень много, и они попытались перетащить телеги. Тут Вальдемар и скомандовал начать стрельбу.

Бах! Наши позиции заволочло дымом. Солдаты тут же схватили запасные ружья и выстрелили ещё раз. Не сказать, что залп нанёс чудовищный урон противнику. Но это физически. Морально мы уже победили, вогнав неприятеля в состояние паники. Только я не учёл, что не все киргиз-кайсаки — пастухи. В рядах воинов произошло оживление, они снова заработали плётками, приводя толпу в чувство. И порядок удалось восстановить. Затем случилось определённое возбуждение, вызванное прибытием отряда басурман из пятидесяти человек во главе с мужиком, обряженным в блестящие доспехи. Да и большая часть его окружения выглядела похоже.

«Нуралы», — пришла запоздавшая мысль. Хан что-то коротко проорал и махнул в нашу сторону саблей. Постепенно началось движение. Пехота и кавалерия басурман выстроились в подобие колонн, больше похожих на длинные кляксы. Прошло ещё немного времени, под непрекращающимся огнём малоордынцы отодвинули кибитки и с воплями ринулись на невышенность. По флангам пехоты шла конница. Зря они так. Это ошибка. Причём двойная. Неужели никто не доложил хану о битве у Домбаровки? Мы ведь применили одинаковую тактику.

— Аааа!!! — орали тысячи злых и испуганных людей.

— Бах!!! — рывкнули в ответ восемь единорогов.

Мне сложно передать словами звуки, которые издавала толпа, чья атака буквально захлебнулась в крови. Визги, завывания, стоны. Ещё и жалобный плач раненых коней. Всё перемешалось. Дополнительный шум производили стрелки, продолжавшие методично уничтожать противника.

— Бах!!! — новый залп орудий.

В ответ — такая же порция нечеловеческих звуков. Просто толпа потеряла человеческий облик, превратившись в визжащую и стонущую биомассу. Я навёл на неё подзорную трубу. Зрелище жуткое! Первые ряды наступающих превратились в кровавое месиво из кусков человеческих и лошадиных тел. Всё-таки картечь в упор со ста пятидесяти метров — это ужас! Потом был второй залп — в плотные ряды, подпираемые сзади. Третья порция картечи просто закончила сегодняшний бой.

Вернее, начала его заключительную часть. Ведь у нас был небольшой подарок. Когда толпа обезумевших людей понеслась назад, занервничала и ставка во главе с ханом. Нуралы что-то прокричал, помахал саблей и развернулся в сторону стойбища. Правильно, через сто метров его ждала засада из двух единорогов, притаившихся в зарослях. Орудия рывкнули, буквально сметя несколько десятков всадников. Там били в упор метров с пятидесяти.

— Пора! — перед выстрелами скомандовал фон Шик, подав знак трубачу.

Тот затрубил, перекрывая звуки боя, и наша кавалерия, включая засадный отряд, ринулась в атаку.

Теоретически противник превосходил нас в несколько раз. Может, поэтому наиболее опытные воины Нуралы не побежали. Они готовились к рубке, но снова просчитались. Мои всадники остановились перед врагом и дали несколько залпов из пистолетов в упор.

Этого хватило. Организованное сопротивление киргиз-кайсаков закончилось. Даже нукеры превратились в бегущее стадо. А что говорить о пастухах? Они дружной толпой бежали от вагенбурга, падая от ружейных и артиллерийских залпов. Победа! А ещё свершилась моя месть. Такие долги оставлять нельзя. И плевать на последствия.

Дальше началась вторая часть операции. Артиллерия, поменяв картечь на ядра, била поверх голов, сея смерть в толпах бегущих. А казаки, башкиры и татары налетали с флангов, рубя беглецов без разбора. Людей резали, как скот на бойне: споро, привычно, без лишних движений и мыслей. Но это только начало. Вскоре иррегуляры ворвутся в кочевье, где начнётся форменный геноцид. У обеих сторон хватало многолетних обид, чтобы не жалеть баб и детей.

Поэтому мои солдаты в добивании орды не участвовали. Это не их война, а свою работу они сделали. Пусть занимаются ранеными и хозяйственными работами.

Я же в сопровождении алексеевцев отправился посмотреть на происходящее. Это моя прямая обязанность, нечего взгляд отводить. Именно такой итог я и ожидал.

Пленных не брали. Кто сбегал — скатертью дорога. Большая часть подохнет от голода. Какая польза от пленного кочевника? Он сожрёт твои припасы, потребует за собой ухода, отвлечёт от дела солдат. Ещё сбежит при первой возможности, уведёт коня, а может, и не одного. А если его отпустить, то вернётся с отрядом мстителей, когда немного придёт в себя. Поэтому никакой жалости. Только расчётливая жестокость. Ничего личного, это война на уничтожение.

Когда основные силы противника были рассеяны, иррегулярная конница ворвалась в кочевья. И там началось самое страшное. Убивали всех подряд. Детей, ещё не понимающих, что происходит. Женщин, пытавшихся прикрыть собой младенцев. Стариков, которые уже не могли бежать и были не способны защищаться. Я спокойно смотрел на происходящее, понимая, что не могу остановить избиение. Но сразу пришла предательская мыслишка: как я буду дальше спать? Ведь мне каждую ночь станут являться разрубленные пополам грязные дети и воющие женщины, раздирающие лица грязными ногтями. Понимая, что это политическое деяние, я всё же с трудом сохранял невозмутимость.

Позже выяснилось, что Нуралы погиб в артиллерийской засаде. Весомая часть его окружения тоже была разорвана картечью. Что внесло дополнительную панику в ряды врага. Хотя куда уж больше? Однако после гибели лидеров орда просто перестала существовать.

Но перед несколькими группами бойцов стояла ещё одна задача. Надо было полностью уничтожить ханский род. Я не настолько жесток, чтобы алкать крови детей и юношей. Здесь обычный расчёт. Нам нужен бардак, и чтобы киргиз-кайсаки не смогли быстро выбрать нового правителя. Хотя объективно Малая орда прекратила своё существование и вскоре разобьётся на несколько родов. Или её окончательно добьют адайцы. Имелся такой сильный род, кочующий у Каспия. Возможно, лет через пять возникнет новое племенное образование. Только уже восточнее и южнее. Эти земли я никому не отдам.

Поэтому ханских детей и внуков бойцы начали истреблять в первую очередь. Кого-то нашли сразу, других поймали позже, при попытке скрыться в прибрежных камышах. За самыми ушлыми пришлось посылать отряды ликвидаторов. Времени у нас хватало, можно было спокойно добивать раненых, сортировать трофеи и стогнать скот. Мы оставили несколько десятков семей пастухов для обслуживания захваченных баранов и коней. Уж слишком их было много.

К вечеру первого дня всё было кончено. По крайней мере, основная часть. Утихли крики и выстрелы. Только конница ещё добивала раненых, ориентируясь на их стоны. Я приказал больше не жестить и прекратить убийства. Пленных согнали в несколько загон. Нам ещё нужна рабочая сила. Ну и многие воины решили удовлетворить похоть или сбросить напряжение. Поэтому в лагерь иррегуляров затащили упирающихся девок, где их насиловали. Мне тоже предложили вшивую красотку с жирными волосами, но доброхотов сразу послали лесом. Благо солдатский лагерь расположился дальше и там не видели происходящего. Хотя, может, мужики тоже отдохнули. Предпочитаю не лезть в такие вопросы.

Ночь прошла скомкано. А на рассвете передо мной предстала страшная картина.

Трупы убитых взрослых мужчин, женщин, стариков и детей, а также павших лошадей покрыли степь на километры во все стороны. Они лежали там, где их настигла смерть. У потухших, ещё хранящих тепло костров, у разбитых кибиток, у пересохших ручьёв. Степные хищники и птицы уже собирались на невиданный пир. Орлы кружили в высокой синеве, терпеливо выжидая, когда можно будет спуститься. Волки серыми тенями бесшумно скользили вдалеке. Шакалы и лисы сбегались со всей округи. Трусливые, но наглые, когда дело касалось поживы.

У падальщиков ожидалось пиршество, какого они не знали никогда прежде. Возможно, за всю историю этих мест здесь не убивали столько людей.

«Всё ради России», — успокаивал я себя, глядя на очередные детские и женские трупы. Я повторял это как мантру или заклинание, которое должно было заглушить голос совести, поднимающийся из самых глубин души. Эти кочевники — враги России и наших людей. Если их не уничтожить сейчас, то в будущем придётся проливать кровь русских солдат, когда империя раздвинет границы.

И всё же в сердце что-то щемило. Я ведь не сумасшедший, просто так сложились обстоятельства. Но одно дело — убивать вооружённых мужчин в бою. И совсем другое — видеть бездыханные тела детей, которых зарубили в спешке, потому что некогда было разбираться, кто есть кто. Вот я и гнал от себя эти мысли, отмахивался от них, как от назойливых мух. Сейчас нельзя позволить себе слабость. Вон Рязанцев уже закатил истерику, заявив, что он не мясник, а я просто чудовище. Не мог подождать до возвращения. Идиот! Дело не в моих чувствах, а в обстановке. Мы на войне с небольшим отрядом, а вокруг тысячи врагов, пусть и разбежавшихся. Нам ещё гнать к себе огромные стада. Мне только бунта солдат или казаков не хватало! Но было неприятно. Поручик бил словами прямо в сердце.

А потом мои люди нашли загон. Это был огороженный кибитками и телегами участок степи, нечто вроде вольера для скота. Только там содержались русские рабы — девушки и юноши. Их держали в страшной тесноте, без нормальной еды и чистой воды. Скорее всего, не успели отправить на невольничьи рынки Хивы и Бухары до зимы. Там за русского раба платили хорошие деньги. Хотя судя по животам девиц и их состоянию, киргиз-кайсаки практиковали групповые изнасилования.

Когда началось нападение, кто-то отдал страшный приказ и всех русских пленников казнили. Прямо в загоне им перерезали горло или закололи пиками. Беременных девок тоже не пощадили. Мне так и не удалось найти этого человека. Даже пытаемые дети Нуралы и его близники были не в курсе. Они называли несколько имён, которые я запомнил.

Я помнил тот момент, когда подошёл к загону. Всё до мельчайших подробностей. Обычно стараешься забыть такое, но почему-то память фиксирует увиденное с фотографической точностью. Земля была чёрной от крови, а в жидкой грязи утопали сапоги. Тела лежали вперемешку, друг на друге. Молодые женщины, почти девочки, с распущенными, слипшимися от крови волосами. Парни с ещё не успевшими огрубеть, по-мальчишески мягкими лицами. У некоторых глаза остались открытыми, и в них застыл ужас. Там была такая бездна отчаяния, что мне стало дурно, к горлу подкатила тошнота. Одна из девушек, самая молодая, лет тринадцати-четырнадцати на вид, так и застыла с протянутой вперёд рукой, словно пыталась защититься от ножа, отвести удар. Её пальцы были сломаны. Она боролась! До последнего!

В тот момент все сомнения и мнимые угрызения совести исчезли. Испарились. Сгорели дотла. Я почувствовал не просто гнев, а ледяную, всепоглощающую ярость, не имеющую ничего общего с обычными человеческими эмоциями. Просто тогда во мне не осталось ничего человеческого. Ещё я увидел предел жестокости и понял, что по эту сторону — варвары. Есть зло, которое нельзя простить, и есть поступки, которые нельзя оправдать никакими обстоятельствами. Никогда.

Работоторговцам нет прощения. Их надо изводить под корень, выкапывать из нор, как тараканов, и давить сапогом, пока не перестанут шевелиться. Не просто убивать, а искоренять само явление, выжигать калёным железом, пока от этой заразы не останется и следа. Потому что торговать людьми — значит, отрицать их право жить и называться человеком. А человек, отрицающий это, сам не человек. Он зверь — голодный, хищный, опасный. И с ним надо обращаться соответственно. То есть уничтожать, чем я и займусь в ближайшие годы. Времени и денег у меня хватало. Надо будет — найду выроdkов хоть в Хиве, хоть в Кашгаре. А ещё я буду

бороться с рабовладельцами в России. Пусть нельзя сломать систему, но можно отрезать чьи-то головы, потерявшие разум от безнаказанности.

— Вальдемар, — я повернулся к бледному словаку, чьи глаза полыхали от ненависти к убийцам. — Оставь необходимое количество пастухов, остальных — под нож. Мне без разницы, дети это или женщины. А ещё объяви башкирам и казакам, что я заплачу по десять копеек за ухо киргиз-кайсака. Только проследи, чтобы они не трогали уже убитых, а искали беглецов. И ещё сообщи, что деньги будут выплачиваться только за левое ухо. Исполняй.

Глава 3

Сентябрь 1776 года. Орская крепость. Российская империя

Я не заметил, как за год крепость превратилась в посёлок городского типа. То, что казалось временным военным лагерем, теперь обрело иные черты. Для начала мы навели порядок внутри. Теперь за оградой небольшой городок с плотной застройкой, а не деревня. Все огороды вынесены за валы, как и несостоятельная публика. Земля в центре везде дорогая. И естественно, что при выборе строения я предпочёл три купеческие лавки с домами одной развальной с огромным неухоженным участком. Пусть там живёт хоть трижды вдова заслуженного человека. Земледелие у нас теперь в других местах. Жестоко? Плевать!

Но наиболее интересные события развернулись в бывшем посаде. Именно там вырос полноценный посёлок, вернее, несколько крупных слобод. Пока ощущается деление по роду занятий, но в будущем всё смешается.

Люди сами построили саманные дома с крышами из тростника. Стены возвели из смеси глины с соломой, надеясь, что не будет дождей. Материал для крыш косили у берегов Ори и Яика, где хватало камыша с рогозом. Снаружи стены белили мелом, который добывали в одном из близлежащих месторождений. У кого были деньги, те купили кирпичи на заводе, который дважды расширял производство и работал фактически круглосуточно. Но это в основном купцы во главе с Осиповым, которые поселились внутри укреплений. Оно и понятно: у людей имелись деньги, товар и другое имущество. Для них зелёный свет. Тем более в моих планах сделать центр будущего города каменным. Думаю, до этого момента осталось немного времени.

За валами существенно выросло число складов, производственных помещений и хранилищ для лодок. Замечательно, что многие здания строились без моей указки. Это показывало веру людей в наш общий проект. Значит, не просто так пролито столько пота и крови.

Я следил только за тем, чтобы дома и здания располагались по проекту, а также за соблюдением гигиены. Сливать отходы и выбрасывать мусор в реку было строжайше запрещено. Для нечистот вырыли отдельные ямы подальше от посада. По мере наполнения их присыпали землёй и золой. По идее, через пару лет получатся удобрения, которые пойдут на поля и огороды. Нарушителей штрафовали или заставляли выполнять трудовую повинность, очищая улицы от навоза или отмывая рыбные цеха. Поначалу люди ворчали, но быстро привыкли. Ведь это общее дело. А к чистоте и воздуху без зловонных примесей быстро привыкаешь.

Самое любопытное, что землянки остались востребованными. Их заняли новые переселенцы, не успевшие построить дома. Там было душно и тесно, но это лучше, чем спать под открытым небом. Постоянный рост численности населения я тоже считал положительным эффектом своей политики. Народ не побежит туда, где ему плохо. К нам же продолжали прибывать целые семьи беглецов. Чего уж говорить об одиночках?

Кстати, я решил прихватить в набеге несколько десятков относительно пригожих киргиз-кайсацких девиц. Некоторые мои союзники занялись тем же, ещё и детей набрали, совсем мелких. Мол, воспитают из них новых башкир, калмыков и татар. Дело житейское. Касательно пленниц: одинокие мужики разобрали их моментально, как только обоз достиг крепости. Девочек быстро окрестили, отмыли, вычесали вшей, и мы получили новые ячейки общества. Для фронта обычная ситуация.

Ещё на южной стороне, со стороны Ори, возникла ярмарка. Сначала я просто выделил участок для рынка, когда об этом попросили купцы. Торговые люди огородили место, разровняли его и поставили несколько длинных столов с навесами. А потом вдруг оказалось, что рядом появилось огромное торжище, куда съезжались люди со всей округи. Тем же башкирам удобнее сбывать шерсть, кожу и мясо у нас, чем везти всё это в Уфу или отдавать за бесценок

перекупаю. Последние сориентировались моментально, рванув вслед за клиентурой. Заодно немного поменялись привычные торговые маршруты, теперь товар больше шёл через нас в Самару.

Как бы на меня не ополчилось купечество Уфимского наместничества. Ведь к нам ещё пришли первые караваны из Бухары. Что увеличило ажиотаж и важность Орской крепости. В Оренбурге мной точно недовольны, ведь тамошний торговый люд тоже перебрался к нам. Вот такие необычные процессы.

Также на ярмарке появились казаки и татары. Удивительно, но кое-какой товар привезли киргиз-кайсаки Средней орды. Хотя они больше закупались. Сначала с опаской, но потом поняли, что с моей пайцзой их не трогают, и осмелели. Ага, не вижу смысла ссориться со всеми кочевыми народами степи, поэтому послал людей к хану Абылаю. Тот ерепениться не стал и пошёл на контакт.

Пока ассортимент нашей ярмарки невелик, но в следующем году я ожидаю его расширения. Пришлось продать немного своих запасов, в первую очередь инструментов. Акция показала, что спрос есть.

Торговые ряды растянулись параллельно Ори почти на полверсты. Ведь на ярмарке продавали множество коней и телег, занимающих много места. Лавки были открыты с рассвета до темноты. Приезжие торговцы ночевали тут же, в повозках или палатках. Понятно, что всё это будет продолжаться только до холодов. Потом рынок скукожится и переедет под стены или внутрь, где купцы уже подготовили торговые места.

Если человек не видел ярмарки, то он мог её почувствовать. Ветер разносил весьма специфические запахи. Ведь местные жители торговали свежей, копчёной и солёной рыбой. То же самое касалось мяса. А ещё ведь была кожа. Пусть я убрал дубильное производство подальше от крепости, но кожами и выделанными шкурами торговали. И это неприятные запахи. Как дым от мануфактур. Зато амбре показывало уровень развития нашей промышленности. Ха-ха!

Внутри крепости появились новые казармы. Более просторные, с нормальным печным отоплением и общими столовыми. Солдаты больше не ютились в избушках. Многие из них уже поставили свои дома в посаде. Доля с трофеев позволяла. Оно и правильно. Я разрешил людям жениться, заводить хозяйство, заодно закрыл единственный кабак. Пусть плодятся на благо России, а не пропивают деньги в угоду всякой мрази. Кстати, пятерых бутлегеров и самогонщиков я приказал выпороть прямо у центральных ворот, а затем отправил на пять лет рубить уголь. Правда, один купец помер. Зато народ проникся.

По идее, кроме меня никто сейчас не может изготавливать алкоголь. Зерно — дефицит, и ситуация долго не изменится. Для себя пусть гонят брагу, но продавать её запрещено. В будущем надо как-то приучить народ к пиву и лёгким настойкам из ягод. Дело нехитрое, нужно только сырьё. Негоже употреблять всякий шмурдяк. Все эти винные откупщики в зону моей ответственности не пройдут. Разве что пополнят ряды шахтёров, а в будущем — металлургов.

Кстати, алкогольный бизнес держали старообрядцы, которым я сделал жёсткое внушение, когда пришли ходоки просить отпустить барыг. Я им объяснил, что степь большая и здесь пропадали даже целые караваны. Поверили. Попросили прощения. У меня такая репутация, что моего недовольства начали бояться до дрожи в коленках.

Помимо артелей и мануфактур, я открыл школу и построил приют.

В школе учили чтению, письму и счёту без всяких изысков. Пока в ней преподавали мои люди: прапорщик Булгаков, оказавшийся неплохим педагогом, и таможенник Сомов. У Ильи Георгиевича просто много свободного времени, и он сторонник прогресса. Век живи — век учись, но никогда не сможешь начать разбираться в людях. Я тоже ошибся. Но это положительный опыт.

Приют для сирот, матерей-одинок и калек поставили рядом с небольшой больницей, открытой весной. Вернее, это одно здание. Да и нет у нас десятков обездоленных. Детей по

возможности раскидали по семьям. Те, кто постарше, встали на кошт при артелях и мануфактурах. Остались только несколько младенцев, за которыми следят несчастные женщины, отказавшиеся выходить замуж. Времена тяжёлые, многие подверглись насилию, ещё и родили бастардов. Пусть побудут в приюте, пока мозги не придут в порядок. У нас недостаток баб, поэтому выйти замуж для них не проблема. Калек всего трое: два безногих солдата и рабочий, лишившийся руки при постройке кирпичного завода. Мужики не бездельничали и помогали чем могли. Здесь у нас практически идиллия.

Особо меня порадовал приезд Алексея Онуфриева и Степана Кишкова, учеников ван дер Хека. Фламандец не забыл о моём поручении и прислал толковых людей. Теперь у нас не только два фельдшера и коновалы из солдат. Врачей сразу загрузили работой, заодно к каждому приставили по три ученика.

Кстати, со школой вскоре возникнут сложности. По идее, они приятные. Количество желающих учиться превысило все разумные пределы. Вместе с детьми за парты ринулись мужики из крестьян, рабочие и солдаты. Более того, недавно приходила делегация местных баб, попросивших открыть для них класс.

Я был в шоке. Оказывается, среди народа ходят слухи, что я благоволю людям грамотным и у них есть шанс подняться в местном обществе. Это правда, но не моя реклама. Просто авторитет графа Шереметева в округе сейчас такой, что люди верили всему. Они действительно стали жить лучше. Что заметно даже по итогам одного года. А так как я уничтожил врагов, устранил возможность набегов и продолжаю вкладывать в артели и мануфактуры всё больше денег, то оптимизм населения рос постоянно.

Тут мне недавно один мужик выдал, что он и его дети никогда прежде не ели так сытно. И они готовы рвать жилы, чтобы жить так дальше. Понятно, что у нас просто оказалось много мяса. Ещё у нас вдосталь рыбы, к тому же я раздал немало хлеба с крупами. Но слышать такие слова всё равно приятно.

Забавно получилось с картошкой. Местные оценили её сразу. Хоть я и приказал большую часть урожая оставить в качестве семян на следующий год, кое-что народ поддел и проникся. Ничего страшного. Ещё Болотов прислал семена, поэтому есть надежда на хороший урожай. Картошка — спасение не только для севера, но и для здешнего климата. Ведь это ещё и корм для скота. А его у нас сейчас тоже много.

Если подвести краткие итоги моей деятельности за год, то можно смело признать её положительной. Это я говорю без всякой похвалы, учитывая совершённые ошибки. Хотя в Оренбуржье глобальных просчётов не было. Разве что у меня сложились напряжённые отношения с местной властью, но то дело терпимое. Главное, удалось спасти тысячи жизней простых людей и дать краю хороший экономический пинок. Если меня завтра отзовут, что маловероятно, многие проекты устоят. Да и беглых не тронут, побоявшись нового бунта.

Важной новостью, взбудоражившей крепость, вернее, её деловую часть, стал приезд Петра Симона Палласа. Это уже известный в Европе исследователь и естествоиспытатель, член Российской академии наук. Он не получал от меня прямого приглашения. Просто учёный, любящий путешествия, узнал, что я запросил у Академии знатока минералогии для поиска руд, и решил лично отправиться в Оренбуржье. Чем несказанно меня порадовал.

Палласа давно привлекали малоисследованные земли между Волгой, Уралом и Каспием. Информация о том, что я не просто воюю со степняками, а закладываю основы для систематического изучения края, пришлась немецкому учёному по сердцу. Он быстро собрался в дорогу, не испугавшись сложностей. В первую очередь с властями, у которых я в немилости. Но наука была для него важнее!

Немец взял с собой жену и дочь. Любимая женщина сопровождала его почти во всех экспедициях и давно привыкла к тяготам полевой жизни. Формально они не венчаны, и учёный увёл её у какого-то генерала. Романтик, однако! Но я не ханжа и к таким деталям равнодушен.

Кроме того, Паллас привёз трёх студентов, своих лучших учеников, которым предстояло помогать в исследованиях. Заодно парни смогут вырасти в полноценных специалистов и защитить докторские по возвращении в Петербург. Обоз исследователя, гружённый вещами, инструментами и библиотекой, въехал в крепостные ворота в начале октября.

Я встретил гостя со всем возможным радушием. Паллас оказался человеком деятельным и нетерпеливым. Уже на следующий день он отправился в степь под охраной казаков.

Немецкий учёный с привычной дотошностью принялся исследовать места, которые я ему указал. Мы тоже не теряли времени, и народ приносил куски пород, залегание которых отмечалось на карте. Удача сопутствовала Петру почти сразу. Он подтвердил залегания железной руды там, где в будущем возникнет город Новотроицк. А на северо-западе были обнаружены признаки меди. Сейчас ученики немца проводили более углублённые изыскания. Помощников и инструментов им выделено вдоволь. А я под такое дело отправил людей на уральские заводы, чтобы переманить инженера. Вернее, этим делом занялся Осипов, но с моим представителем.

Одновременно Паллас начал собирать материалы для большого труда о природе края.

Флора Оренбуржья оказалась на удивление богатой, несмотря на суровый климат и частые засухи. Пётр собирал и сушил все травы подряд. В этом ему помогала супруга. Чувствовалось, что ей такая работа уже знакома.

С фауной такая же история. Сейчас степь просто кишит различной живностью. После прошлогодней загонной охоты я запретил убивать сайгаков и куланов — мяса и так хватало. Зато пришлось всерьёз заняться волками, гиенами и шакалами. Уж больно много их сбегалось, привлечённых человечиной и кониной. Моя вина, вот и пришлось лично участвовать в отстреле хищников. Сложнее с грифами и прочими летающими падальщиками. Но ничего, вопрос решаемый. Я просто пообещал серебро и зерно за уничтожение гнёзд. Ведь птицы жрут не только падаль, они атакуют баранов. А наши стада сейчас обширны.

Поэтому Пётр разрывался между геологией, ботаникой и зоологией. Он неделями не вылазил из степи, а возвращался просто счастливым. Я всячески поддерживал фанатика, обеспечив ему отличную охрану. Он ведь принесёт колоссальную пользу России в будущем. Если власти не будут зевать, то можно начать индустриализацию уже сейчас. Хотя это утопия. Снова придётся делать всё самому.

Самое забавное, что следом за Палласом с разницей в неделю прибыл ещё один учёный. Я, мягко говоря, был удивлён, но обрадовался. Тут дело такое. Разуверившись в Академии наук, которую я буквально забросал письмами, я вдруг поймал интересную мысль. А почему я обращаюсь именно к сборищу бестолковых немцев, изображающих из себя учёных? По крайней мере, так считал Ломоносов. Ну, так писали в одной статье.

В общем, я написал напрямую главе Берг-коллегии Соймонову, с которым у нас сложились хорошие отношения. Михаилу Фёдоровичу очень понравился проект плавки железа с помощью кокса и в целом создание нового промышленного района между Брянском и Калугой. Мои планы по исследованию огромного края, где уже был найден уголь, чиновнику тоже пришлись по душе.

Проблема в том, что Соймонов не мог прислать к нам человека официально. Но так как мы живём в России, выход всё же нашёлся. Требовалось просто оплатить годовое жалованье, транспортные и накладные расходы нужному человеку. Только вот нужного специалиста на тот момент не было. Я отправил письмо управляющему в Петербург, приказав обеспечить учёного всем необходимым, и забыл об этом.

По итогу вышла накладка. В Оренбуржье одновременно выдвинулись сразу два талантливых и необходимых специалиста. Просто первым прибыл Паллас.

Вторым в Орской крепости появился Александр Матвеевич Карамышев — химик, металлург, минеролог, ботаник, доктор и, ко всему прочему, ученик самого Карла Линнея. Учёный

вернулся из Швеции пять лет назад, где защитил диссертацию, приобрёл имя и даже дополнительно отучился на горного инженера.

Хотя в России знания столь ценного кадра не понадобились. Вернее, Карамышева использовали как обычного инженера. Под него надо было создавать лабораторию и даже целое НИИ, а Александра отправляли оценивать выработанные рудники. Хорошо хоть додумались дать человеку кафедру в недавно открытом Горном училище. Однако пытливый ум учёного скучал по исследованиям, и он сразу ухватился за моё предложение. Как выяснилось позже, его соблазнила возможность изучить флору региона.

Представьте разочарование Карамышева, когда он приехал на Яик и чуть ли не первым человеком, которого встретил, оказался Паллас. Конкурент, однако.

Профессор собрался было обратно, но я ухватился за него, как утопающий за спасательный круг. Меня зацепило, что естествоиспытатель являлся настоящим химиком, ещё и учился у самого Линнея. В результате Александр Матвеевич получил предложение, от которого не смог отказаться, — по своему основному профилю. Минералогию он оставил немцу, зато нашёл в нём единомышленника по изучению фауны и флоры края. Пусть ловят своих бабочек — да хоть блох! — лишь бы довели до ума основные проекты.

Среди рабочей текучки, касавшейся армии, хозяйства и торговли, нашлось место делам, на первый взгляд, не самым насущным в пограничной жизни. Ещё прошлой весной я отправил письмо главному управляющему Замятину, велел прислать на Орь живописца Ивана Аргунова. Художник уже был достаточно известен своими тонкими портретами и пейзажами. Он — продолжатель целой династии и племянник Семёна Аргунова, одного из самых известных русских живописцев. А ещё это семейство — крепостные. Но ненадолго. Я как раз составлял список людей, которым собирался дать вольную. Кто-то уйдёт бесплатно и будет получать мою помощь, другие выкупятся за деньги. Постепенно в империи Шереметевых останутся только наёмные работники. Здесь нельзя делать слишком резких движений. Впрочем, это другая история.

Мне тут подумалось, что важно запечатлеть для потомков ещё не успевшую остыть после недавней резни степь и форпост России на её диком краю. Гору черепов рисовать не нужно, как и разные дикости. А вот изобразить здешний весьма разношёрстный народ — очень полезная задача. Здесь вам и офицеры, и купцы, и казаки, и крестьяне, и лояльные кочевники вроде башкир или калмыков. Такую натуру и фактуру ещё поискать! А какие здесь роскошные виды! Весной так вообще красотища!

Аргунов прибыл в конце весны, когда я уже решил вопрос Малой орды. Художник ехал с обозом, вёзшим переселенцев, инструменты и зерно под охраной казачьего десятка. Я решил перебрасывать в Оренбуржье и собственных крестьян с работниками. Есть мысль всё-таки запустить медеплавильный завод. А пока пусть народ обоснуется в окрестностях будущего производства, создав продовольственную базу. Бесперебойное снабжение заводчан едой — очень важное дело. И такие деревни проще расширять за счёт новых переселенцев. Вот такая нехитрая экономическая модель.

Иван приехал не один, а привёз жену, детей и двух учеников. Мне такой подход понравился. Значит, человек настроился на долгий и усердный труд, заодно обеспечил себе бытовой и душевный комфорт.

Аргунов уже трудится не покладая рук. Ещё в дороге он сделал немало зарисовок, которые показывал мне с робкой надеждой. Крепостной боялся, что граф не оценит изображения простых людей с их нехитрым бытом и пейзажи достаточно убогих деревень. Я же обрадовал маэстро, сообщив, что именно этого от него и жду. Ну разве что ещё надо написать мой портрет при параде — на чёрном жеребце и с саблей в руке.

Иван юмора не понял и сразу заставил меня позировать. Поглядеть на это шоу сначала сбегалась половина населения крепости. Будто людям заняться нечем. Пока мы развлекали честной народ, ученики художника начали дорисовывать его карандашные наброски, превращая их в полноценные картины. Для студии я выделил целый двухэтажный флигель, где творцы жили и работали.

Наш маэстро управился с черновыми набросками за две недели. Ведь, помимо меня, он взялся написать портреты фон Шика, дядьки, Сомова, Иванова, Булгакова, Касимова, купца Осипова и пролезшего в эту компанию казака Ефимова. Ушлый паренёк — далеко пойдёт!

После набросков и ознакомления с окрестностями крепости Аргунов в сопровождении охраны выехал лицезреть степь, Яик, Ор и угольные копи.

Сопровождал живописца Иван Белозёров. Ведь секретарь мотался со мной по степи и выбрал немало красивых видов. Тёзки быстро спелись и решились на долгий вояж. Заодно они задумали посетить одно из башкирских стойбищ.

Белозёров, в отличие от сосредоточенного Аргунова, был словоохотлив, любопытен и всюду совал свой нос. Он с самого начала торчал на ярмарке, записывая речи купцов и башкирских старейшин, бродил по валу с дозорными с солдатами, а вечерами продолжал писать рассказы и стихи. В его брезентовой сумке уже скопилась изрядная стопка исписанных листов. Думаю, потомкам будет интересно узнать о степных пожарах, зимних переходах, вчерашней каше в солдатском котле и стычках кочевников за скот.

Этот дуэт натолкнул меня на одну интересную мысль. Но я отдал им целое лето на набор впечатлений. Всё равно с октября по апрель людям придётся сидеть в крепости. Они ещё успеют выполнить мои задумки.

Я разложил на столе несколько лубков, изданных моей типографией. Тема нехитрых иллюстраций касалась гигиены. Ещё была целая серия о необходимости прививаться от оспы и безопасности этого мероприятия. Кажется, так давно это было, а прошло всего два года. Так, в сторону воспоминания. Иначе снова начну думать об Анне, и настроение испортится.

Белозёров, утомлённый ворохом бумаг, сидел в углу и тёр виски. Рабочий день у нас закончился, остался лишь небольшой штришок. А вообще, Ваньке давно сказано передавать большую часть работы помощникам. Однако он всё равно просматривал все документы, несмотря на загрузку. Он ведь продолжал писать свои рассказы, которые в Москву отвозил особый гонец. Сиятельная публика ждала новых частей «Путевых заметок». Именно так незамысловато мы решили назвать творчество секретаря.

Аргунов зашёл в кабинет несколько минут назад, примостился на краю стула и молча рассматривал иллюстрации, лежавшие на столе для совещаний. По идее, он в курсе задумки, надо просто обсудить детали.

— Я всё понял, ваше сиятельство, — устало произнёс Белозёров. — Материала для сказок у меня хоть отбавляй. Только я ни одной толком не помню. Иван-царевич, Серый Волк, лягушка, Кощей и Василиса. Всё смешалось в кашу.

Надо заметить, что немалую часть сказок, больше в краткой версии, я рассказывал воспитанникам и обитателям Кусково. Фёкла с Ксюшей при помощи Ивана всё записали и даже подготовили сборник к изданию. Но смерть Анны и моя ссылка помешали этому благовому начинанию. Правда, девчонки начали потихоньку публиковать сказки в «Литературном приложении», также вызвав немалый ажиотаж среди читающей публики. Пусть и не такой шумный, как Ванины заметки.

— А не надо помнить, — кивнул я на объёмную стопку сшитых бумаг. — Скелет, назовём его так, у нас уже есть. Осталось нарастить мясо. Тебе этим и заниматься. Только будем согласовывать написанное с Фёклой и Аксиной. Там уже сами разберётесь, кому из вас быть русским Шарлем Перро. Но без тебя у девочек выходит хуже. К тому же Ксюша увлеклась пье-

сами, а это совершенно другое направление литературы. Ещё нам необходимо запустить второй проект. Назовём его визуальным. Он в первую очередь рассчитан на детей. Не все смогут сразу понять сказку и её глубокий смысл — просто в силу возраста. Зато нарисованная сказка — это настоящий подарок для подрастающего поколения.

Я повернулся к Аргунову:

— Ты будешь рисовать иллюстрации. Но не как на лубке, где один лист, а под ним две строчки. У нас будет целая книга с большими страницами — и с непростыми. Гугенот Якоб Кристоф Леблон пятьдесят лет назад изобрёл способ цветной печати. Только его новаторский метод до сих пор не оценён в Европе. Тем хуже для неё. Значит, способ четырёхцветной печати станет строго русской новацией. Европейцы больше используют открытие француза для религиозной литературы. А мы внедрим его для широких слоёв публики.

— Иллюстрации — дело нехитрое, ваше сиятельство. Здесь хватит карандашных набросков, потом их просто нужно будет раскрасить. Главное — согласовать сказочных персонажей. С этим спокойно справятся мои ученики, — наконец произнёс Аргунов.

— С языка снял, — ответил я с улыбкой и пояснил: — Вторая моя задумка — это раскраски. Обычные контуры домов, животных, людей, птиц или сказочных персонажей. Очень полезная штука для развития ребёнка. Вернее, это вскоре должны оценить. Пока малыши будут использовать краски. Но оказывается, одна немецкая компания пятнадцать лет назад выпустила цветные карандаши. Я, будучи в Москве, приказал выкупить этот метод. Не удивлюсь, что пока мы выпустим раскраски, дю Пре и Горюшков смогут запустить производство карандашей.

Художник слушал меня с нескрываемым восторженным интересом:

— Это удивительное открытие, ваше сиятельство. Можно ли мне получить столь необычные предметы?

— Конечно, — пообещал я радостному маэстро и повернулся к Белозёрову: — А ты чего невесел, буйную голову повесил?

Услышав речитатив, секретарь удивлённо вскинул голову. Но сразу вернул кислое выражение лица:

— Николай Петрович, боюсь, не справлюсь. Мне ведь ещё работу делать, потом рассказы и стихи писать. Вы сами так приказали, объяснив, что это наиболее важное. Даже заставляете обработку корреспонденции помощникам передать.

Я разрешил Ваньке называть меня по имени-отчеству. Что иногда удивляло некоторых людей. Сословные ограничения никто не отменял. А для меня он в первую очередь — талантливый человек. Подписанная вольная у него уже есть, сам не хочет пока выходить из крепостных.

— Приказал и заставляю, — кивнул я в ответ. — Например, я могу сам сделать любое дело, за которое берусь. Кроме тех, где требуются особые знания в механике или химии. Только по итогу в работе будет находиться едва два-три процента от задуманного. Зато я запустил десятки проектов, поручив их помощникам. Их надо только иногда проверять, где-то направлять и осаживать излишне рьяных. Но ты молодой, пока таких вещей не понимаешь. Вот и схватился за всё сразу. Не бережёшь себя и работаешь на износ. В итоге заболеешь и начнёшь вредить делу из-за усталости.

— Прошу прощения, ваше сиятельство, — вроде бы правдиво повинился Белозёров. — Моя вина в том, что я не смог подготовить помощников. Оттого и приходится всё перепроверять. Но месяца через два ребята смогут работать самостоятельно. Касательно цветных лубков и сказок — здесь ситуация лучше.

— Иван Конев?

— Так точно! — по-военному ответил секретарь. — Ванька — настоящий самородок, как вы и предполагали. Он уже сейчас готов к написанию текста к иллюстрациям. А затем

черёд дойдёт и до сказок. Я поражаюсь той скорости, с которой он учится. Это не самородок, а какой-то уникам!

Есть такое дело. Меня самого иногда поражает число талантов, рождаемых русской землёй. Плохо, что только единицам из них удалось пробиться. А ещё хуже, что почти никто не смог полностью осуществить свои замыслы. Нартов, Ломоносов, Виноградов, Кулибин, Черепановы. Список можно продолжать.

Даже здесь, среди совершенно разных слоёв общества, находились настоящие бриллианты. Их надо только огранить.

Взять упомянутого Конева. Младший сын мелкого купца, давно обосновавшегося в Орской крепости. Главное из всех достоинств торгаша — это понимание необходимости образования. Поэтому все его дети умели писать, считать и читать. Но Иван пошёл дальше всех и начал пробовать себя в литературе. Он с робкой надеждой показал свои рассказы Белозёрову, и тут завертелось. Секретарь сразу побежал ко мне. Прочитав тексты, я вызвал к себе Конева-старшего. Тот вначале перепугался, а затем, осознав представившийся шанс, буквально продал мне сына. Теперь купец торгует моим мясом и богатеет прямо на глазах, а его сын вскоре начнёт приносить пользу русской культуре. Вернее, завтра и приступит.

— Решено! — я хлопнул ладонью по столу. — Значит, по рукам. Ученики Аргунова — раскраски, а Белозёрова — текст. Но спрос пока с вас. Работайте!

Пусть русским Шарлем Перро станет купеческий сын Иван Конев. А может, Фёкла и Акси́нья. У немцев вскоре начнут творить братья Гримм, у нас же будут сёстры Ярцевы. Русские сказки будут лучше!

Глава 4

Сентябрь 1776 года. Орская крепость. Российская империя

Очередной обоз, пришедший из Самары, привёз не только инструменты, новые пушки, семена и ткани. Среди переселенцев, мастеровых и искателей лучшей доли затесалась фигура, совершенно необычная для здешних мест. Ею оказалась молодая женщина в дорожном платье. Представившись, она попросила проводить её к управляющему или ко мне, если я соизволю принять дворянку.

На самом деле представители правящего сословия уже начали появляться в крепости. Например, три дня назад неожиданно приехал инженер Хардин с уральских заводов Яковлева. Забавно, но Андрей Владимирович разминутся с моими рекрутерами, отправившимися как раз за столь ценными кадрами. Ничего страшного, ребята наберут мастеров и толковых работников. Вернее, помогут сбежать из тамошнего производственного ада. А что делать? Больше рабочих взять негде.

Недавно прибыли ещё два дворянских семейства. Первым появился губернский секретарь Генрих Шитц, заменивший Алаева. Вслед за ним приехал Егор Чарыков, владеющий шерстяными мануфактурами в Саратове. Этот предприимчивый господин не чурался торговых и прочих коммерческих дел, чем сразу мне понравился, и получил зелёный свет для своих проектов.

Оба дворянина прибыли с семьями. Но они, вообще-то, мужчины, а здесь — одинокая женщина с двумя детьми. Пусть её сопровождали несколько слуг, но тем не менее.

Я принял даму в кабинете. Передо мной предстала хрупкая, но явно сильная духом особа. Для опытного человека несложно читать людей по лицам. А у меня последние полтора года было много поводов проверить эту систему.

Гостье около двадцати пяти. Несмотря на усталость, вызванную долгой дорогой, и озабоченный вид, она очень красива. Густые тёмные волосы, высокий лоб и серые глаза, которые смотрели прямо, без страха. Пусть у неё на голове приспущенный платок, лицо без макияжа, а ногти не накрашены, сложно скрыть то, чем наградила природа. Фигура у Елены Николаевны Аристовой, помещицы из-под Самары, тоже отличная. Её не могла скрыть даже мешковатая одежда. Что-то мои мысли понеслись немного в другом направлении.

— Николай Петрович, простите за беспокойство, — после представления начала дама ровным тоном. — Я вдова, у меня сын семи лет и дочка пяти. Моё поместье сожгли пугачёвцы. Муж убит бунтовщиками, он входил в самарское дворянское ополчение. Сейчас мне не по силам восстановить поместье. Дело даже не в отсутствии денег, а в других сложностях. Часть людей сбежала. И... родственники мужа, они...

— Вы не волнуйтесь, Елена Николаевна, — я налил даме стакан кваса, она действительно вдруг вся напряглась. — Только прошу понять меня правильно. Я могу оказать помощь нуждающимся, но вы на них непохожи. Тогда почему вы приехали именно в Орскую крепость?

Елена действительно не выглядит нуждающейся. Разведка уже донесла, что половину пришедшего обоза занимали её телеги с инструментами, зерном, семенами, мебелью и прочим скарбом. С ней прибыли четырнадцать крестьянских семей, где мужики оказались неплохо вооружены. И за свою хозяйку они стояли горой. Станные какие-то беженцы.

— Не в крепость, а к вам, — женщина подняла на меня свои глазищи. — Самое забавное, что я поехала по следам своих же беглых крестьян. Или даже по их настоянию. Понимайте как хотите, но после сбора урожая я продала землю, дала вольную мужикам, не желавшим переезжать, и отправилась сюда. Всё равно родня мужа не даст нам с детьми спокойно жить, несмотря на его завещание, оставившее мне всё имущество. А так поместье оказалось у очень влиятельного человека, которому не страшны никакие тяжбы. Пусть и пришлось продешевить.

Признание прозвучало настолько неожиданно, что я малость подзавис. Сейчас в России действовали весьма странные законы, связанные с наследством. Насколько я помню, вдова могла получить одну четвёртую часть имущества. Там есть ещё имелись сложности с отцом мужа, если он пережил сына. Ещё завешание имущества жене не одобрялось в обществе, и его могли оспорить. В общем, дамочка оказалась решительной, пошла против мнения света и даже где-то смошенничала.

Но больше всего меня удивил другой момент:

— То есть ваши крестьяне, воспользовавшись смутой, ушли на Яик? А вы — за ними?

— Именно так, — кивнула Аристова. — Часть семей сбежала, в первую очередь — от бунтовщиков. Мы не смогли защитить всех, и сами ушли в Сызрань, под защиту армии. Позже выяснилось, что многие беглецы в ваших краях. Более того, они послали весточку, сообщив любопытные подробности. А ещё я внимательно читаю «Коммерсант» и «Экономический магазин», особенно ваши статьи. Мне нравится многое из прочитанного. Потому выбор очевиден.

Может, для неё всё понятно, но для меня — нет. И вообще, какой-то у нас сумбурный разговор получается.

— Что вы хотите? Давайте откровенно, — задал я конкретный вопрос.

Елена помолчала несколько секунд, собираясь с мыслями.

— Помогите нам обустроиться, ваше сиятельство. У меня всегда были хорошие отношения с собственными крестьянами. Именно я вела все хозяйственные дела семьи. Я не из тех помещиц, что не считает крепостных за людей. Они это помнят и даже попросили возглавить здесь артель. — День сюрпризов продолжился. — Мне нужна защита. Всё остальное есть, а зимой надёжные купцы должны привезти ещё семена и инструменты для начала полевых работ. Более того, я готова купить скот в большом количестве. Мои крестьяне даже построили дополнительные дома в Покровке. Всё упирается в безопасность. Даже если я дам своим людям вольную, то её могут оспорить чиновники, науськанные тестем и младшим братом мужа. Им известно, что большая часть наследства — это моё приданое. Но их ничего не остановит.

Я сразу вспомнил необычных мужиков, пришедших организованной толпой в прошлом году. Строились они с размахом, отказались от подселения к ним чужаков. Не удивлюсь, что переезд и обустройство оплатила госпожа Аристова. Ушлая мадам, но нам такие нужны.

— Артель — дело хорошее, — я кивнул, глядя на напряжённую гостью. — Мы даже поможем вам с обустройством. Времени до зимы мало, поэтому скот и сено надо покупать уже сейчас. Насколько я понял, дома для новых поселенцев уже построены? Люди лишь ждали семян, инструментов и ваших денег для расширения?

Елена Николаевна кивнула, тряхнув чёрной гривой. Она фактически призналась, что организовала побег крепостных крестьян. Это, вообще-то, преступление. Поэтому и начала издалека.

— Считайте, что вы получили помощь и покровительство. Здесь вас никто не тронет. Тем более если мы грамотно оформим документы на артель, где вы станете главным пайщиком. Ещё придётся дать вольную всем вашим крестьянам. Думаю, с юридической стороны проблем не будет. Договора я составлю сам, благо образование позволяет. Поверьте, ни одна чернильная душа и крючкотвор не подкопается, — произнёс я с усмешкой. — А губернский секретарь Генрих Шитц оформит всё официально.

— Спасибо, ваше сиятельство! — сказала вдова и впервые за день улыбнулась.

— Пока благодарить меня рано, — улыбнулся я в ответ. — У меня будет одно условие, если вы согласитесь...

Судя по вспыхнувшим от гнева глазам, помещица неверно меня поняла. Да и я зачем-то начал плести словесные кружева. Надо было говорить сразу по делу.

— Я открыл школу. В ней учатся дети крестьян, рабочих и купцов. А недавно приходили местные женщины, попросили создать женский класс. Вернее, чтобы стали учить как девочек, так и взрослых женщин. Вроде есть кому этим заняться, но хватает сложностей.

Елена выдохнула, не скрывая эмоций. А ещё мило покраснела, наверняка от собственных мыслей.

— Вы хотите, чтобы я преподавала?

— Нет, — мой ответ явно удивил женщину, снова эти распахнутые в недоумении очи. — Нам необходим директор, который наведёт порядок, чтобы класс работал и далее прирастал новыми ученицами. Проблема в том, что преподавать там будут дамы, а я боюсь не справиться, объясняя, как лучше вести образовательный процесс.

Если называть вещи своими именами, то я предпочёл держаться подальше от чисто женского коллектива. Класс ещё не открыт, а уже начались интриги в нашем небольшом обществе. Ведь преподавать будут жёны офицеров, чиновников и купцов. Они уже разделились на фракции, пытаясь переманить на свою сторону недавно прибывших Хардиных. А что будет дальше? Поэтому появление Елены Николаевны я воспринял как подарок судьбы.

— Я подумаю, — ответила Аристова после паузы и улыбнулась. — Сначала мне нужно устроиться, осмотреть деревню, решить вопрос с домом.

— В крепости есть дом. Правда, его придётся делить с семейством инженера Хардина. Помещение способно разместить даже большее число людей, но нечего вам ютиться в тесноте. Поживёте в городе, наладите всё с женским классом, одновременно начнёте строить себе дом в Покровке, — выдал я только что родившийся план. — Потом можете спокойно переезжать в деревню. Или живите в крепости. Насколько я понял, вы хотите ещё открыть мануфактуру.

Не буду скрывать, что мне захотелось оставить эту женщину в крепости. Просто для общения, а то я основательно здесь одичал. Никто не собирался тащить Елену в койку, чего бы она там ни думала. Хотя естество требовало своего. Но я же не скотина!

— Хорошо, ваше сиятельство. Я согласна на оба ваших предложения, — вдруг согласилась гостья.

Или она сразу приняла решение? Не знаю, однако оно мне понравилось. Нужно развивать край, а школа — это огромное подспорье. Женский класс так вообще наделает немало шума и подаст пример другим городам. Пока у нас девочек и девушек учат только в Москве. Речь о массовом, а не об индивидуальном образовании, конечно.

— Вот и славно, — кивнул я Елене, ожидающей ответа. — Мой секретарь покажет вам дом. Далее можете узнать детали у Хардиных. Касаемо деревни, завтра вам выделят отряд для охраны. Поселение расположено на левом берегу Яика, как и крепость. Однако мы за стенами, и в окрестностях множество патрулей. Но чуть дальше всякое может быть, это бывшие владения кочевников. Поэтому настоятельно рекомендую вам не ездить по степи без сопровождения вооружённых людей.

Аристова встала, я за ней. Вдова сделала короткий реверанс и покинула кабинет.

А я остался сидеть, размышляя о том, как иногда случайная встреча может изменить жизнь десятков людей. Женщина, самостоятельно управлявшая имением более пяти лет и не сломавшаяся после пугачёвского погрома, здесь точно пригодится.

Этого визита я ждал. Разведка донесла ещё месяц назад, что голландцы зашевелились и Брандт выехал из Москвы в Оренбург. После нашей последней встречи прошло достаточно времени. Предполагаю, что банкиры успели проверить мои советы на деле, убедились в выгоде и теперь хотят большего. Я даже примерно знал, о чём пойдёт речь.

Когда Белозёров доложил, что прибыл гость, я кивнул и попросил, чтобы слуга подал чай и настойку. В прошлый раз голландец уделил алкоголю немало внимания. Самого секретаря я отпустил, незачем ему присутствовать при таких разговорах.

Брандт вошёл и поклонился. Загорелый, с красным обветренным лицом, голландец успел сменить дорожное платье и пыльные сапоги. Здесь он следовал этикету. Нечего являться на переговоры в грязной одежде и травить собеседника запахами немытого тела.

Я указал на кресло, дождался, когда Антип наполнит чашки чаем и нальёт гостю стаканчик смородиновки. Затем вопросительно посмотрел на него. Наверное, голландец вспомнил, что со мной лучше сразу говорить о деле.

— Мы последовали вашему совету, граф. Гамбургское отделение банка работает прекрасно. Скажу больше: минейр Корнелий ван Ланшот пошёл гораздо дальше. Теперь треть наших дел идёт через этот вольный город.

Вот чем мне нравились европейцы, так это мобильностью и умением быстро внедрять новые идеи. Хотя «Van Lanschot Bankiers» работали в Священной Римской империи и без моих указок. Но всё равно приятно слышать похвалу.

— Я рад, что мои слова не пропали даром, — ответил я спокойным тоном.

Далее Брандт пустился в более пространные объяснения. Оказывается, голландцы быстро расширили свою судоходную компанию. У них уже сорок кораблей, и это только начало. Насколько я понял, конечно. Мысленно я усмехнулся с оттенком зависти. Скорее всего, банкиры проанализировали ситуацию, добавив мои размышления, и начали действовать. Голландцы — прирождённые моряки. Что подразумевает не только умение строить корабли, но и многолетние налаженные связи по всему миру. Значит, ван Ланшот решил всерьёз влезть в североамериканские дела и заработать на революции, которая начнётся уже в следующем году.

Разумно. Жалко, что мне приходилось куковать в жопе мира и не иметь возможности толком повлиять на собственный проект. Остаётся только писать письма компаньонам и читать отчёты. Будто подслушав мои мысли, гость поднял эту тему:

— Ван Ланшоты работают в связке с вашей «Русской торговой компанией». Руководство банка довольно. Также должен признать, что вы начали грамотно, не пытаясь мешать крупным игрокам.

— Это радует.

Что ему ещё ответить? А вообще, похвалил — и хватит. Пора приступить к делу. Я специально сделал паузу, давая Брандту возможность начать серьёзный разговор. Тот воспользовался ситуацией и махнул стакан настойки. Далее гость мысленно кивнул себе и начал беседу:

— Минейр Корнелий просит вас продать пять процентов «Сырьевого товарищества». Лучше десятую часть и право нашего представителя заседать в совете директоров. Со всеми полномочиями. Коммерц-коллегия не против этой сделки. Мы даже заручились поддержкой императрицы. Более того, ван Ланшоты дадут двойную цену, хотя акции компании находятся в частных руках и не продаются на бирже. Кстати, Её Величество готово рассмотреть продажу половины от десятой доли, принадлежащей казне. Поэтому доли ваших компаньонов почти не пострадают. Однако граф Скавронский сразу предупредил меня, что сделка может быть возможна только после вашего одобрения.

Сука! Это я про жадную немку и сложившуюся ситуацию. Екатерина выкрутила нам руки, заставив передать десять процентов товарищества казне. Естественно, с нами до сих пор не рассчитались. И думаю, денег мы не увидим. Что было понятно сразу. Только пайщики сразу обговорили налоговые льготы и право закупать сырьё у государственных поместий по сниженной цене. По-любому попытаются обмануть, но товарищество своё получит.

Однако никто не предполагал, что вечно нуждающаяся в деньгах императрица захочет продать государственный пай. Интересно, если его выкупят акционеры, то попробует ли немка повернуть операцию ещё раз? Вернее, сколько раз она это проделает? А что? Удобная возможность доить богатеньких вельмож в обмен на право подминать под себя русский экспорт. Теоретически я согласен отдавать казне часть прибыли даже сверх налогов. Но в нашем случае деньги пойдут не на благо государства, а окажутся в карманах разных проходимцев и воров.

Оптимальный вариант, когда десятая часть товарищества принадлежит казне, а остальные пайщики продолжают контролировать, кому продавать акции. Но всё упирается в жадность и неадекватность Екатерины.

— Я подумаю, — ответил я после затянувшейся паузы.

Голландец время не терял и, пока я думал, выпил ещё два стакана настойки. Вот же здоровье у человека! На улице сегодня достаточно жарко, как и в кабинете. А он хлещет алкоголь как воду и всего лишь немного покраснел.

— «Van Lanschot Bankiers» хочет увеличить своё присутствие в России. Речь о нашем основном профиле — финансах. Вы же прекрасно понимаете, что сейчас внутри империи работают не банкиры, а ростовщики и откровенные проходимцы. Касательно внешнего займа, связанного с торговлей русских бумаг на амстердамской бирже, то там форменный грабёж. Раймонд и Теодор де Смет — весьма средние фигуры в Нидерландах. Они — обычные посредники, перепродающие русские бумаги. При этом братья наживаются с двух сторон. Русская казна платит им за размещение акций на бирже под пять процентов. Фактически ваша страна получает деньги гораздо дороже. Ведь облигации продаются на треть ниже номинала. Получается, вы занимаете деньги под двадцать пять и даже тридцать процентов. Нигде в мире нет таких ставок.

Я молчал, собираясь с мыслями. В России хватало иностранных банкиров, а по сути — ростовщиков, кредитующих наше беспутное дворянство. Но зарабатывали они строго на знати. Только ван Ланшоты хотели влезть не в дела высшего света, а внутрь нашей финансовой системы. Корнелий понимал, что испанская лавочка скоро закроется и надо искать новые рынки. А оно нам надо? Конечно, нет. Ушлые бюргеры займут побольше денег у испанцев, которые просто пухли от серебра, и подомнут под себя наш кредитный рынок, находящийся в зачаточном состоянии. Получится, что голландцы возьмут под контроль все наши внешние и внутренние операции. При этом алчная немка с радостью продаст им такое право. Лишь бы больше золота предложили.

России просто пока везёт, что она на самом деле очень бедна и интересна исключительно как поставщик сырья, а также покупатель бус. Простите, предметов роскоши, что не меняет смысла происходящего. Получается, это я показал голландцам путь, куда можно перевести капиталы, спасаясь от будущих войн и потрясений. Но такой компаньон нам всё равно необходим. Плохо, что европейские деньги окажут минимум влияния на экономику. Весь бизнес сведётся к кредитам дворянам под залог имущества и ускорению разорения правящего класса. Просто ван Ланшоты предложат меньший процент и вытеснят всех конкурентов. А у самих русских вельмож и заводчиков пока нет средств начать кредитование предпринимателей. Вернее, наши возможности несопоставимы. Банк я открою, как только вернусь из ссылки. Как вариант, займу денег у самих ван Ланшотов и других голландцев. Но не более того.

— Сразу скажу, что отрицательно отношусь к этой идее. Вы можете снабжать деньгами придворных. Если полезете в нашу торговлю и финансы, то мы поссоримся.

Брандт начал пить следующий стакан настойки и чуть не поперхнулся от моего ответа.

— Но почему? — только и смог он произнести.

— Причина такая же, по которой вы не можете вытеснить братьев де Смет из их соглашений с нашей казной. Вам не позволят коллеги-банкиры. Здесь похожая ситуация, и русской экономике не нужно испанское серебро. Поверьте, сначала вы заработаете неплохие дивиденды, а потом всё рухнет. Вырастут цены, начнут разоряться мелкие поместья, за ними последуют крупные. И это только часть возможных невзгод. Экономика России пока не готова к более интенсивному развитию. Но именно наши компания и товарищество уже дали ей мощный толчок. Нужно ещё года три, лучше пять. За это время подрастёт промышленность, и, возможно, изменится сама ситуация в стране. Тогда нам понадобятся кредиты для заводчиков и купцов.

Как настанет время, мы с вами обсудим ситуацию. Поверьте, ван Ланшоты — пока единственный банк, который может рассчитывать на сотрудничество с нами.

За это время надо сколотить целые консорциумы, контролирующие экономику страны. И «Сырьевое товарищество» будет одним из основных игроков. Что-то вроде корейских чеболей. Тот случай, когда олигархат станет полезен государству. Здесь надо ещё создать грамотную патриотическую идеологию. Не демагогические крики о третьем Риме и что с нами Бог, а переориентировать элиту вовнутрь. То есть мы признаём научное и техническое превосходство Запада, но не впадаем в нездоровый пиетет. Русские должны брать там лучшее, адаптировать для своей экономики и развивать собственные сферы. Например, Россия сейчас — объективный новатор в медицине. Так почему не вывести её на совершенно недостижимый уровень, заодно подняв фармакологию? Перед отъездом я дал задание ван дер Хеку и дю Пре начать испытания эфира в качестве наркоза. Оказывается, сам газ уже открыт, надо только его вдумчиво исследовать. Думаю, йод мы тоже скоро создадим, есть предпосылки. Добавьте к этому развитие гигиены и тот же гипс. Вот вам флагманское направление, которое потянет за собой науку. Пусть даже в узкой сфере. Хотя тут же начнёт развиваться химия.

— Корнелий будет недоволен, — произнёс Виллем, успев ополовинить бутылку с настойкой.

Честно говоря, мне плевать на чувства голландского барыги. Однако слишком многое на него завязано. И глава банка это прекрасно знал.

— Металлургия. Поставки оборудования, обучение мастеров, долевое участие в разработке перспективных месторождений. Вот ниша, которую вы можете занять, — решил я предложить гостю идею. — Мои инженеры повторили способ коксования угля, давно применяемый англичанами. Что вскоре выведет русскую промышленность на совершенно иной уровень. Наши недра удивительно богаты! Даже здесь мы нашли залежи меди и угля практически на поверхности. У меня уже возникла идея ставить завод. Рядом Персия, Хива и Бухара, которые купят всю произведённую медь. У них её попросту нет, а потребность есть. К тому же металл можно перевозить по реке и морю, что снизит его стоимость и увеличит объём поставок. А новый торговый путь потянет за собой и другие направления. Железо здесь тоже есть, как и потенциальные покупатели на него. Зато у нас мало денег, инженеров и мастеров. Ещё вы можете попробовать выкупить уральские заводы, чьи владельцы фактически разорились.

— Но зачем это банку? Есть более быстрые и лёгкие деньги, — логично заметил Виллем.

— Если глава клана ван Ланшот думает о будущем, то должен оценить открывающиеся перспективы. Вложение в промышленность — это не только экономика, но и политика. В России теперь будут знать, что есть надёжный голландский банк, который не только вывозит отсюда золото, но и вкладывает деньги в развитие страны. Добавьте к этому серебряные месторождения. Они давно открыты, но пока технологии не позволяют нам их разрабатывать. Подумайте, испанские источники скоро для вас закроются. Так почему не поискать их здесь? Корнелий ведь хочет долю в товариществе? Но кто вам мешает вложиться в русское ткачество? У Нидерландов давние традиции по выпуску тканей и переработке шерсти. Завтра я устрою вам прогулку и покажу свои стада овец, захваченные у кочевников. Кроме этого, есть конопля, лён и крапива. У нас бескрайние просторы и дешёвая земля. Создавайте аграрно-промышленную компанию и работайте. Да, это долго. Но глава банка ищет возможности для вложения денег в будущем. Вот и думайте. Как вариант, наберите испанских кредитов, пока им некуда девать серебро. В общем, не мне учить банкиров зарабатывать деньги. Просто подумайте, что у ван Ланшотов всегда будет место, куда можно уйти. Сами знаете, сколько богатых семейств разорилось из-за войн или ошибочных вложений средств в один вид коммерции.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.